

А.М. Малолетко

ЛУКОМОРИЯ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОЛОНИЯ
В СИБИРИ

Малолетко Алексей Михайлович,
доктор географических наук, профессор Алтайского и Томского
госуниверситетов, Автор более 500 печатных работ, в том числе
50 монографий. Почётный член Русского географического об-
щества, Почётный работник высшего профессионального обра-
зования РФ, лауреат Демидовской премии (Барнаул, 1999).

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Бийское отделение**

А.М. Малолетко

**ЛУКОМОРИЯ –
ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОЛОНИЯ В СИБИРИ**

Alexei M. Maloletko

**Lukomoria – the first Russian colony
in Siberia**

4 **3-е издание, дополненное**

Томск–2010

УДК 908 Ш+ 103.14
ББК ТЗ.2РОС+14.2РОС
М197

Малолетко А.М.

М 197 Лукомория – первая русская колония в Сибири. 3-е изд., доп.
Томск: Томский государственный университет. 2010. – 120 с.

На основе исторических и ономастических данных предлагается версия о переселении в XIV–XV вв. самаров – русского населения с междуречья Дона и Днепра в низовье Иртыша и Оби. С началом официальной русской колонизации (конец XVI в.) самары расселились на обширной территории Сибири от низовий Оби до р. Турухан в Красноярском крае. Произведена идентификация р. Каяла, где в 1185 г. князь Игорь Северский потерпел поражение от половцев, с р. Волчья – притоком Самары в системе Днепра.

The author proposes his version based on historical and onomastic data about the migration of the Samars, the Russian population from the watershed of the Don and the Dnepr to the lower course of the Irtysh and the Ob in the XIV-XV centuries. Beginning with the official Russian colonization (the end of the XVI century) the Samars occupied the vast territory of Siberia from the lower course of the Ob till the Turukhan river in the Krasnojarsk region. The river Kajala, where in 1185 the tsar Igor the Severski was defeated by the polovets, was identified with the river Volchja, the tributary of the Samar in the river system of the Dnieper

УДК 908 Ш+ 103.14
ББК ТЗ.2РОС+14.2РОС

Рецензент

доктор исторических наук В.П. Зиновьев

Издана на средства автора

© А.М. Малолетко, 2010

ПЕЛИХ
Галина Ивановна
(12.10.1922–16.09.1999)

*Светлой памяти этнографа-сибироведа
ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ ПЕЛИХ*

ВВЕДЕНИЕ В ТАЙНУ
(вместо предисловия)

Работая с ранним картографическим материалом, как отечественным, так и западноевропейским, я обратил внимание на топоним Лукомория, который был нанесён на картах западноевропейских картографов. Лукомория нашла своё место на картах Г. Меркатора (1595 г.), И. Гондиуса (1606 г.), И. Массы (1633 г.), Дж. Кантелли (1683 г.) и Г. Сансона (1688 г.). Рядом с Лукоморией на ряде карт был показан русского типа этноним *самарики* (Samariequi; карта Дж. Кантелли). На карте А. Ортелиуса (1570 г.), составленной ещё в доермаковское время, в низовье Оби можно увидеть населённый пункт Cingolo (Цинголо), что соответствует ныне существующему в нижнем течении Иртыша с. Цингалы. Название населённого пункта было повторено на карте Г.Л. Анания (1582 г.; см.: Старков В.Ф., 2001, рис. 8). В языке угров вообще нет фонемы *ц*, поэтому естественно встал вопрос о неугорском происхождении названия села Цингалы. Начались поиски первых сведений о Лукомории. Они были недолгими и нетрудными.

Исходный материал

Сведения о легендарной стране сибирского средневековья – Лукомории – проникли в научную литературу ещё в первой половине XVI в. с лёгкой руки Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), австрийского дипломата, который дважды (в 1517 и 1526 гг.) был в Московии, а в 1547 г. опубликовал книгу «Записки о Московии» с картой. Позднее книга трижды издавалась на русском языке (Герберштейн С., 1866, 1908, 1988). Довольно подробное изложение информации С. Герберштейна о Сибири вообще и Лукомории в частности, дано А. Оксёновым (1889). Ниже приводится наиболее интересный отрывок из книги С. Герберштейна (рис. 1).

Изъ лукоморскихъ горъ вытекаеть рѣка Коссинъ (Kossin), при устьѣ которой находится крѣпость Коссинъ; ея прежде владѣль князь Венца (Knes vuentza), а теперь его сыновья. Туда отъ истоковъ большой рѣки Коссинъ два мѣсяца пути. Выѣстъ съ этою рѣкою беретъ начало другая рѣка Кассима (Cassima) и, протеки черезъ Лукоморію, впадаетъ въ большую рѣку Тахнинъ (Tachnin), за которою, по разсказамъ, живутъ люди чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами, у другихъ собачьи головы, у иныхъ совершенно нѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь, нѣтъ ногъ, а длинныя руки. Есть и въ рѣкѣ Тахнинѣ одна рыба съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр., по виду совершенный человѣкъ, однако безъ всякаго голоса; она, какъ и другія рыбы, доставляетъ пріятную пищу.

Рис. 1. Текст о Лукомории в книге С. Герберштейна (1856, с. 125)

В книге С. Герберштейна были сведения и о сибирскихъ народахъ, сопровождавшіеся фантастическими описаніями и просто небылицами. Сам С. Герберштейн писал, что это *«...переведено дословно из доставившегося мне русскаго дорожника, хотя в этих известіях некоторое кажется баснословным и едва вероятным»*. Такие «дорожники» составлялись в Москвѣ на рубежѣ XIV–XV вв., возможно, в концѣ XV – первой половинѣ XVI вв. (Алексеев М.П., 1932, с. 99; Рыбаков Б.А., 1974, с. 79). Указываются даже конкретные источники. В 1613 г. Гесселем Герритсом был опубликован «Чертежъ Россіи царевича Фёдора Борисовича Годунова», составленіе котораго было закончено в 1514–1551 или 1514–1536 гг. На Западѣ до Г. Гесселя через Дм. Дан. Герасимова (ок. 1465 – ок. 1533) с чертежомъ были ознакомлены Павел Іовій и Баттисто Аньезе, западноевропейскіе картографы. С. Герберштейн использовал «Указатель пути к Печёре, Югре и рекѣ Оби», болѣе известный как Югорскій дорожник. Б.А. Рыбаков предполагал, что С. Герберштейн получил «Указатель пути...» от С.Ф. Курбскаго, который в 1483 г. совершил с Иваном Салтык-Травинымъ первый исторически известный переходъ черезъ Уралъ в Западную Сибирь.

По даннымъ Герберштейна, страна Лукоморія находилась *«...в горахъ по ту сторону (в правобережье. – А.М.) Оби»*. На

приложенной к книге карте Герберштейн Лукоморию не показал, но подвинул на это некоторых западноевропейских картографов (Кордт В., 1891).

Несомненно, некоторые западные картографы привлекали и другие источники. Так, С. Герберштейн нигде не упоминал *самаров* и населённый пункт Cingolo, но на карте Дж. Кантелли *самары* (Samaricqui) показаны (рис. 2), как и на карте Г. Сансона (рис. 5), а на более ранней карте А. Ортелиуса (1570 г.) имеется упомянутый населённый пункт (см. рис. 7).

Рис. 2. Фрагмент карты Дж. Кантелли (1683 г.)

Сведения о Лукомории очень кратки и противоречивы. Поэтому мы ниже приводим фрагменты текста, касающегося лукоморской проблемы, тем более что сама работа (Герберштейн С., 1866) не доступна широкому читателю.

«От устья Иртыша до крепости Грустина (Grustina) два месяца пути, от неё до озера Китая (Kitai), которая, как сказал я, вытекает из озера, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в большом множестве чёрные люди, лишённые общего всем дара слова; они приносят с собой много товаров, преимущественно же жемчуг и драгоценные камни, которые покупаются грустинцами и серпоновцами. Они называются лукоморцами от Лукомории (Lusomorga), лежащей в горах по другую сторону Оби от крепости Серпонова (Serponov). Сказывают, что с людьми Луко-

мории происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у русских празднуется память Св. Георгия, – а потом оживают, как лягушки, на следующую весну, большей частью около 24 апреля. Грустинцы и серпоновцы ведут с ними торговлю необыкновенным, неизвестным в других странах способом. Ибо когда у них наступает определённое время умереть или заснуть, они складывают товары в известном месте, а грустинцы и серпоновцы уносят их, оставляя вместо них свои товары и делая ровный размен. Возвратясь к жизни, лукоморцы требуют назад свои товары, если лукоморцы находят, что им сделана несправедливая оценка. Оттого возникают между ними весьма часто ссоры и войны» (с. 125; выделено нами. – А.М.).

О термине лукоморье

Термин образован из исконно русских слов лука 'искривление, извилина, изгиб' и *море*. Относилось это и к части суши, иногда пойме, образуемой дугообразным поворотом, изгибом реки. В древнерусском языке (с XI в.) лука – это «берег залива», «берег речной излучины». В конце XIV в. при описании «Хождения Пименова в Царьград» упоминается «великая лука» – большая излучина Дона, где он, обходя Донскую гряду, ближе всего подходит к Волге (Магидович И.П., Магидович В.И., 1982, с. 213).

От этого корня образован термин *лукоморье* («морской залив», извилистый берег моря), обычный на Русском Севере. Использовался он русским населением и по южным рубежам Руси. Так, по географическому признаку в причерноморских степях русскими летописцами выделялись лукоморские половцы, занимавшие черноморское побережье между Днестром и Днестром (Кудряшов К.В., 1947, 1948; Попов А.И., 1973, с. 128).

Однако долгие поиски М.Ф. Розена (1983, 1989, 1997, 1998) привели его к выводу о том, что термин *лукоморье* использовался русским населением, проживавшим и в глубин страны. Хранитель музея «Пушкинские горы» С.С. Гейченко (1986) в книге «*У Лукоморья*» рассказал, что недалеко от с. Тригорское между рр. Сорочь и Великая, где склоны долины р. Великой широко расходятся, раскинулось (в этом озёровидном расширении. – А.М.) красивое лукоморье. С.С. Гейченко лично сообщил М.Ф. Розену

о том, что и ныне в псковском говоре термин *лукоморье* употребляется в значении «изгиб реки», «излучина», «луг на изгибе реки» (Розен М.Ф., 1989). Следовательно, термин *лукоморье* в прошлом был знаком населению как северных, так и южных русских областей и применялся к лукообразным изгибам как морских, так и речных берегов.

Рис. 3. Лукоморские половцы на карте Причерноморья, XII в.
(Кудряшов Е.В., 1947)

На это есть и прямое указание Г.И. Пелих (1995, с.76): «*крутую дугу возвышенного обского берега (против северного устья Иртыша) русские старожилы называли по образцу Причерноморья – Лукоморьем*». При этом сделана ссылка на работу А.И. Попова (1973). Однако эта информация в указанной работе отсутствует. По-видимому, Галина Ивановна ошиблась номером ссылки (49): вряд ли А.И. Попов, специалист по старорусской топонимии европейской части, знал неопубликованные предания сибиряков. Очевидно, следует иметь в виду ссылку 48 (Материалы этнографической экспедиции ТГУ, 1963 г., тетр. 14, л. 13 и тетр. 8, л. 31)¹.

Любопытно отметить, что в вольном историческом эссе «Лукоморье» беллетрист Л. Мартынов (1982) упоминает Лукоморье за Уралом: «...ещё лет пятьсот до Ермака начали стремиться

¹ К сожалению, эти материалы в фондах Лаборатории археологии и этнографии народов Сибири Томского университета отсутствуют. Возможно, их изъятия Г.И. Пелих при подготовке статьи «Сибирские Каяловы о р. Каяла».

ский, или Скифский севернее устья Оби между землёй Molgomzaia и землёй Baida, примерно на месте р. Таз. Тахнин достоверно не идентифицируется с какой-либо современной рекой.

Рис. 5. Фрагмент карты И. Гондиуса (1606 г.)

И. Гондиус на своей карте привязал Лукоморию (LUCOMORRE) к правобережью широтного отрезка Оби между широтными горными хребтами Imaus Mons на севере и Sicbi (Siebi? – А.М.) Mons на юге (рис. 4), по соседству с городом Cambalich (средневековый Ханбалык, ныне Пекин. – А.М.).

На карте Д. Кантелли Лукомория (Locomorgia) изображена к югу от верховий Telta R. между народами грустинцами (Grustinski) на севере и самариками (Samaricqui или Samariequi) на юге (см. рис. 2).

На карте Г. Сансона уже узнаются pp. Томь (Tam R.), Чулым (Celin R.). Лукомория (Lucumorgia) показана в верховьях Чулыма (?) и Mecha R., которую можно сопоставить с р. Кеть (рис. 5). Севернее Mecha R. находится река Telta, сопоставить которую с какой либо из современных рек крайне затруднительно. Возможно, это р. Тым.

Рис. 6. Фрагмент карты Г. Сансона, изданной Де Росси в 1686 г.

Вряд ли картографы использовали дополнительные сведения о месте нахождения Лукомории. Они помещали эту страну согласно первоисточнику в правобережье Оби, но привязывали её к объектам, которые стали им известны по более поздним источникам. Западная Сибирь европейским картографам долгое время была *terra incognita*. Н.М. Карамзин (1990, с. 251) писал: «Уже Ермак достиг славной Оби, коей течение известно было и древним новгородцам, но устье и вершина, по выражению московских путешественников 1567 года, таились во мраке отдаления».

Показательно, что русской картографии и исторической науке Лукомория не известна.

Что же можно извлечь из информации австрийского дипломата? Где можно увидеть все географические ориентиры Лукомории?

Река Коссин С. Герберштейна может быть сопоставлена с р. Казым, правым притоком Оби. При этом Герберштейн отметил значительные размеры реки: «...до истоков р. Коссин два месяца пути». И это действительно так: р. Казым является самым крупным (659 км) правобережным притоком Оби ниже устья Иртыша. В первоисточнике упоминается, что р. Коссин

берёт начало из Лукоморских гор. Лукоморскими горами, в таком случае, могут быть признаны Сибирские увалы в правобережье Оби. *«Вместе с этой рекой (Коссин. – А.М.) берет начало другая река Кассима и, протёкши через Лукоморию, впадает в большую реку Тахнин...»*. По сходству в названии таинственная река Кассима соответствует правому притоку Оби – р. Назым (длина 422 км). Она берёт начало также [ср. *«вместе с этой рекой»* (Коссин. – А.М.)] на Сибирских увалах и впадает в Обь в десятке километров выше устья Иртыша, у с. Самарово. В 1692 г. Избрант Идес записал название этой реки по-иному: *«по берегу реки Казымки (выделено нами. – А.М.), впадающей в Обь вблизи Самарово...»* (Идес. И., Брандт А., 1967, с. 71). Эта привязка, несомненно, относится к нынешней р. Назым. Следовательно, последняя в прошлом (300 лет назад) называлась Казымка, что позволяет идентифицировать её с р. Кассима Герберштейна.

Семён Ульянович Ремезов (1642 – после 1720).
Памятник в Тобольске

Добавим, что на листе 6 Чертежной книги Сибири С.У. Ремезов показал у Белогорска р. Казым с протокой, около которой чётко прописано: «*протока из Казыму*». Однако на листе 11 показана протока Обь-Казымская, но река, впадающая в неё справа, названа Назым (Nasym), и вытекает она из озёр Назымских. В эту р. Назым слева впадает р. Келчикары, в низовье которой показаны юрты Келчикарь. Таким образом, в Лукомории протекало, как и писал С. Герберштейн, две реки с близкими именами – Коссин (ныне Казым) и Кассима (ныне Назым <Казымка>)

Эти разночтения были замечены давно. Г.Ф. Миллер (1750) писал, что Ермак весной 1719 г. отправился в поход на Обь, где завоевал местечко Назым. «*Но в тобольском летописце ... имя оного было так неясно написано, что не должно знать Назымский ли или Казымский читать должно*» (с. 167). Но Г.Ф. Миллер отмечал, что есть и другая река, впадающая в Обь выше Иртыша, которая известна «под именем Назим (по-остяцки Мозым)».

На грани остяцких и татарских владений по Иртышу (Увацкая волость, ныне пос. Уват), в Лебачьих юртах, татары жили смешанно с остяками (хантами). При этом остяки называли юрты Нум-пугль, а татары – Назим-аул. Однако последнее название в своей определяющей части (Назим) не является татарским: это имя полумифического остяцкого праотца Назинга (Миллер Г.Ф., 1750).

На карте в работе Хр. Лопарёва (см. рис. 9) имеется надпись в истоках р. Назым (у Самарово) – «*кочующие козымцы*». Кто подразумевался под *козымцами*: остяки (ханты) с р. Казым (современное название) или с р. Казымки (современное название – Назым)?

Имя р. Тахнин – это, возможно, туземное название Оби и восходит оно к самодийскому *m'axa* 'река'. Этот географический термин сохранился в языке некоторых исторически известных самодийцев: энец. *d'aga*, *m'axa*, нен. *y'aga*, камас. *ч'ага* (во всех примерах с фрикативным произношением *g* или *x*, как в укр. *гарно*).

Возможно и иное объяснение имени Тахнин. В.Ф. Зуев (1947) приводит остяцкое (хантыйское) значение слова *taxe/tahe* 'человек', как самоеды называли остяков (Алексеев М.П., 1941,

с. 162). Пребывание самодийцев, в частности, энцев, в низовье Оби подтверждается историческими данными (Берг Л.С., 1945). Но Г.Д. Вербов и Н.Ф. Прыткова в комментарии к работе В.Ф. Зуева (с. 94) отмечают, что *тах* – это хантыйское междометие, примерно соответствующее русскому «эй!». Местное русское население употребляет его при обращении к хантам в значении *друг, приятель*, причем это слово склоняется – *тахи, таха, тахам*. Поэтому, как возможную семантику названия реки, можно предложить «Хантов (река)». Однако по законам топонимики, более предпочтительным было бы первое объяснение происхождения гидронима Тахнин – от географического термина самодийцев (не селькупов!) со значением *река*.

Таким образом, таинственная Лукомория вполне определённо локализуется в правобережье Оби от устья р. Казым на севере до Сургута на востоке, занимая западный фланг Лукоморских гор, ныне известных как Сибирские увалы.

Судя по структуре и прозрачной семантике компонентов (*лука* и *море*), топоним создан на русской почве. Но за каким географическим объектом он был закреплён и стал топонимом? Безусловно, этот объект был не на морском побережье. В первоисточнике указано, что это *лесистая* местность (см. выше), но сибирское побережье Ледовитого океана повсеместно безлесно. Ссылки «*в горах по ту сторону Оби*» и упоминание рек Кассима и Коссин, Тахнин, а также Лукоморских гор позволяет высказать предположение, что Сибирское Лукоморье находилось в излучине Оби, у впадения Иртыша. Это правобережье великой реки получило в последующее время русские названия Белогорье, Белогорский материк.

П.Н. Буцинский (1893) даёт совершенно иную привязку Лукоморья. Анализируя текст известного древнерусского произведения «О человецах незнаемых...», он упоминает народ югру, издавна знакомую новгородцам, которым эта югра платила дань. «*Новгородцы знали югру или самоедов около Мезени, а добравшись морским (выделено нами. – А.М.) путём до Лукоморья и полуострова Ялмала и здесь они встретили тот же народ, который они видели у устьев Мезени и называли оный тем же именем, т.е. Югрою*». П.Н. Буцинский локализовал Лукоморию в Зауралье, несомненно, пользуясь работой С. Герберштейна. Следовательно, по мнению П.Н. Буцинского, Луко-

морья размещалась на побережье Океана. Он также приводит рассказ С. Герберштейна об умирании лукоморцев 27 сентября, объясняя это откочёвкой их на север, вследствие чего жилища лукоморцев пустовали. В действительности же лукоморцы могли кочевать со стадами оленей или за дикими оленями летом на север, к Океану, а зимой на юг.

Но кто и когда мог принести в Сибирь этот термин, ставший названием таинственной страны Лукомории?

Вряд ли этот вопрос был решён, если бы выдающийся сибирский этнограф, профессор Томского госуниверситета Галина Ивановна Пелих (см. приложение 1) не собрала удивительно достоверный и достаточно полный материал, который в 1995 г. был изложен ею в статье «Сибирские Каяловы о реке Каяла». Записанные Г.И. Пелих в 60-х гг. легенды русскоязычных Каяловых об их прежней родине и приходе в Сибирь позволили пролить свет о русской колонизации Сибири в доермаковское время.

Происхождение и возраст сибирской Лукомории

Топоним Лукомория создан задолго до Ермака и ко времени его похода уже был забыт.

Известно, что новгородцы издавна (возможно, с XI в., достоверно – с XIV в.) посещали Зауралье и могли перенести туда рассматриваемый географический термин, который был закреплён в дорожниках в качестве собственного имени территории. Версию о северном (новгородском) происхождении топонима длительное время разрабатывал М.Ф. Розен. Однако появились сведения о формировании постоянного русского населения в низовье Иртыша в доермаковское время за счёт переселенцев с южных рубежей русских земель. Г.И. Пелих, большой знаток сибирских древностей, в упомянутой статье о Каяловых привела очень убедительные материалы о приходе некоторых групп русского населения из-за Дона задолго до прихода казачьей дружины Ермака.

Сибирские Каяловы сохранили устойчивую устную традицию в рассказах о своей былой родине. Раньше Каяловы жили далеко на западе, в бассейне р. Самара, в теплых степях у тёплого моря. Жители по реке назывались *самарами*, но почему-то

их дразнили *паджами*. Каяловы жили по р. Каяла, притоку Самары. Название Каяла, что значит «коромысло», река получила потому, что в среднем течении изгибалась широкой дугой. В жаркое время верховье р. Каяла пересыхало, и долина превращалась в сухую балку, которая получила название Волчий Хвост. Нижняя часть реки называлась Байбалака. Владения Каяловых на юг простиралось на расстояние «одного конского бега» (70–80 км) до р. Кельчик. К востоку от их земли текла р. Глинистая, а к западу жили *цынгалы*. Ушли Каяловы со своей земли потому, что начались «страшнные войны». Но раньше их на восток пошли *цынгалы*, которые, однако, тоже были не первыми. Многие *самары* уходили в Сибирь. Они селились у слияния Оби и Иртыша, где ими было основано с. Самарово. Эти места *самарам* были известны по рассказам торговцев, которые ходили туда с товарами за пушниной. Каяловы поселились на протоке Иртыша выше с. Самарово. Рядом снова оказались *цынгалы*. А *самары* всё подходили и подходили небольшими группами из-за Дона. Кругом были свои, а к северу и югу от них жило «остячье».

Из преданий сибирских Каяловых явствует, что р. Каяла – это среднее течение нынешней р. Волчья, левого притока р. Самара, которая, в свою очередь, впадает слева в р. Днепр. Не известно, как в прошлом называлась вся река – Каялой или Байбалакой. Лишь позднее по своему истоку Волчий Хвост она получила название Волчьих воды (см.: Кордт В., 1891, 1910). Современное название – Волчья – образовано путём усечения географического термина *воды*. В таком случае эту эволюцию топонима можно представить в следующем виде: Каяла (?) → (Байбалака + Каяла + Волчий Хвост) → Волчьих воды → Волчья. Перенесение названия части реки на всю реку с дальнейшей потерей апеллятива (Волчий Хвост → Волчья вода → Волчья) – явление обычное в топонимике. Однако документально этот переход не подтверждён.

Каяловы пришли в Сибирь за десять поколений до Ермака (в конце 1300-х гг.). Г.И. Пелих (1995, с. 78) предполагала, что «... в смутное время XIII–XIV вв. (татаро-литовские войны? – А.М.) некая группа русскоязычных Каяловых вынуждена была уйти из родных южнорусских земель в Западную Сибирь, в район Самарского Приобья».

С приходом казаков (конец XVI в.) на Иртыш часть Каяловых ушла на восток. Их следы отмечены на р. Тым и в Нарымском Приобье (см. ниже), а также в Туруханском крае. Об исходе русского населения с территории Причерноморья в низовье Иртыша свидетельствуют топонимические материалы.

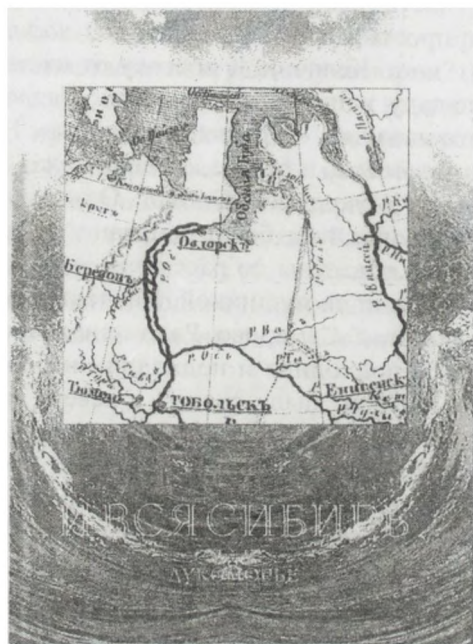

Рис. 7. Обложка альманаха «Тобольск и вся Сибирь». № 5. Лукоморье.

В 1994 г. по инициативе бывшего мэра Тобольска Аркадия Григорьевича Елфимова, большого патриота Сибири, был создан общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», который приступил к изданию Альманаха «Тобольск и вся Сибирь». В 2005 г. вышел пятый номер, названный «Лукоморье». Альманах открывается текстом «Новгородские вести о югре, самоеди и лукоморье» в переводе на современный язык А.Г. Кузьмина. Одно из стихотворений молодого Леонида Мартынова заканчивается вопрошением: «Где оно, Лукоморье, твоё Лукоморье?», другое оптимистично поведало «Существует Лукоморье!». Интерес к Сибирскому Лукоморью растёт.

2. СИБИРСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Рассмотрим проблему ономастических схождений Причерноморья, с одной стороны, и Сибири, с другой. Степень сходимости топонимов, этнонимов и антропонимов будет объективно подтверждать предположение о приходе части причерноморского русского населения в Сибирь в доермаковское время.

Топонимический материал по Сибири взят из архивных документов, ранних карт и чертежей, разновозрастных литературных источников. Используются также исторические материалы.

Лукомория

Причерноморье. Этот географический термин был довольно широко распространён в русской среде не только на севере русского государства (Розен М.Ф., 1984, 1997 и др.), но и на юге. В русских летописях издавна упоминаются лукоморские половцы, занимавшие черноморское побережье между устьями рр. Днепр и Дунай. Большая излучина Дона носила название Великая лука.

Сибирь. О топониме Лукомория в Сибири свидетельствуют описание такой «страны» С. Герберштейном и фиксация её на картах Г. Меркатора (1595 г.), И. Гондиуса (1606 г.), Guiljamo Blaew (после 1606 г.), Дж. Кантелли (1683 г.), Г. Сансона (1686 г.). М.П. Алексеев (1941, с. 157) сообщал, что в энциклопедическом словаре Гюбнера (Лейпциг, 1811, с. 823; на с. 163 указана дата 1711 г.) под словом *Лукоморье* поясняется, что это «*провинция в пустынной Татарии, подвластная (русскому)*

царю. Она лежит по ту сторону Оби в Азии и простирается до ледовитого океана».

Самара

Причерноморье. Река Самара на родине Каяловых («в тёплых степях у тёплого моря») – это левый приток Днепра у порогов. Под таким именем она известна с XII в. (ПСРЛ, II, изд. 1962 г., Ипатьевская летопись, стлб 653). В 1158 г. Самара упоминается по случаю победы русского князя Мстислава Изяславовича над половцами: «...оже Бог ему помог половцы победити на Угле (ныне р. Орель. – А.М.) и на Самаре» (летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, с. 317). Впервые р. Самара на карту положена, очевидно, С. Мюнстером в 1538 г.

Рассматривал этимологию рассматриваемого топонима В.Г. Егоров (1964), который выводил гидроним Самара из тюркского слова *самар: чув. *самърал*, *самъраан*, казах., кирг., узб., тур., кум., уйг. *семри*, туркм. *семре*, тат. *симер*, *симез*, башк. *химер* ‘тучнеть, жиреть, полнеть’, караим. *семир* – ‘толстеть, полнеть’ и уйг., азерб., туркм., ног., кумык., кирг., казах. *семиз*, башк. *химез*, тув. *семис*, караим. *семизь* ‘тучный, жирный’. Сопоставления представляются убедительными, Реалии, как будто, подтверждают эту этимологию имени р. Самара. Ещё в XVI в. бассейн Самары, славился дикими зверями, рыбой и фруктами (Петкевич К., 2002), куда запорожцы ездили на охоту и рыбалку. В бассейне Самары находили пристанище женатые казаки, нарушившие обет безбрачия и выселенные из Сечи. Но такое тюркское имя река могла получить и до татаро-монгольского нашествия, так как в IX в. в южнорусские степи пришли тюркоязычные (огузская группа) печенеги, которых в XI в. сменили половцы (кыпчакская группа), разгромленные татаро-монголами (середина XIII в.).

Не раскрывается ли имя древнего города Самарканда как «богатый город»?

Исследователи давно отмечали широкое географическое распространение топонима (и этнонима) с основой *самар*. В.М. Флоринский (1888) посвятил этому вопросу обстоятельную статью (заметку, по его оценке). По его данным, рассматриваемая группа имён включает:

1) Самара, река в Бельгийской Галлии. Ныне это р. Сомма. На этой реке в античное время, по сведениям Юлия Цезаря, Страбона и Птолемея, стоял город Самаробрива, или Самаробрига. Учитывая англ. Bridge и нем. Brücke 'мост', В.М. Флоринский (с. 223), всё же отдал предпочтение арийскому (сскр). bhṛḡ, вошедшему в славянские языки (др.-слав.. бръвь, чеш. Brv, brva, полаб. brew) и др.-в.-нем. brāwad 'бровь' в значении *берег, гора, яр* (ср. тюрк. каш 'бровь' и 'крутой высокий берег');

2) Самара, левый приток Днепра;

3) Самара, правый приток Волги;

4) Самардан, левый приток Индигирки в Якутии;

5) Самаровский мыс при слиянии Оби и Иртыша;

6) Самарея, библейский город;

7) Самара, местность на морском берегу Абиссинии;

8) Самар, остров в группе Филиппинских островов;

К этому следует добавить:

9) Урюх-Самар, приток р. Яик/Урал. Ныне название утеряно. В «Книге Большому чертежу» дана следующая этимология *«по нашему 'резвая'»*. Вероятно, это этимология первого компонента *юрюк* (ср. руск. *юрский*):

10) Самара, река с притоком Sarga flu показана на карте Причерноморья, составленная Г. Меркатором в 1595 г. Показана она как правый приток р. Дон недалеко от его устья. Повидимому, это была ошибка картографа; на других западноевропейских картах она не повторяется;

11) Самара, левый приток Амура;

12) Самарга, река на Сахалине, впадает в Татарский пролив.

Сделав обзор топонимов, В.М. Флоринский заметил: «... слово Самар слишком широко распространено по земному шару, чтобы выводить его из одного источника» (с. 226). Можно присоединиться к этому выводу В.М. Флоринского.

В примере № 4 окончание *дан* представляет сочетание юкагирского соединительного суффикса -д- и термина *эну* 'река'.

Г.М. Василевич (1965) связывала имя князья Самара с тунгусским семантически не ясным этнонимом *саман ~ самай ~ самар*. По её мнению, этноним имеет южное (центрально-азиатские) очень древнее происхождение. По крайней мере, он для тунгусов является заимствованием, и это заимствование

произошло в верховьях Селенги. Из этого же источника этноним перешёл к тюркам, монголам, самодийцам и уграм. Если оставить вне рамок заимствования участие самодийцев и угров, то в рассуждениях Г.М. Василевич можно увидеть перспективное объяснение этих казалось бы случайных совпадений в ономастике Восточной Европы и Восточной Сибири. В Восточной Европе река Самара получила своё имя непосредственно от тюрков, а в Восточной Сибири гидронимы и этнонимы Самара/Самар – через заимствование их тунгусами от тюрков.

Сибирь. В Сибири известна только одна р. Самара в системе притоков р. Амур. Эта река так же, как и причерноморская, находится в ареале обитания тюркских племён: примерно 2 тыс. лет назад Забайкалье было заселено тюркоязычными тоба. В приустьевой части Иртыша и на Оби высокий берег называется Самаровским белогорьем. Но название, как правильно считается, дано по с. Самарово (Самаровское), которое, в свою очередь, образовано от имени хантыйского князя Самара, который держал здесь свою «ставку».

Самары/Самарики

Причерноморье. По преданиям Каяловых, они раньше жили далеко на западе, в бассейне р. Самара, поэтому их звали самарами. Лет 150 назад на р. Кагальник (впадает в Таганрогский залив) находился казённый хутор с названием Самарск (Екатеринославская губерния). Позже – село Самарское Батайского района Ростовской области (Список..., 1927). Несомненно, населённый пункт основан самарами. И ныне в сёлах Донецкой области Украины известна коллективная кличка *samari* (Отин Е.С., 1971), которая хорошо увязывается с самарами легенд Каяловых.

Сибирь. На карте Дж. Кантелли (1683) южнее «страны» *Lu-sotogia* сделана надпись *Samaricqui* (или *Samariequi*), т.е. *самарики*. Несомненно, это этноним – название какой-то группы населения. На карте Г. Сансона (рис. 6) к югу от *lesiora Slote* имеется надпись *SAMARIQU*.

В Сибири от этнонима *самары* создано немало топонимов и имен людей. К первым относится названия населённого пункта

Самарово (недалеко от устья Иртыша), Самаровское белогорье – западный фланг Сибирских увалов.

Имя Самар носил местный (нижнеиртышский) князёк, который 20 мая 1583 г. пал в неравном бою с казаками Богдана Брязги¹, сподвижника Ермака. Вот как описывает Г.Ф. Миллер (1750) это событие. Поутру рано казаки обнаружили на берегу спящих караульщиков, выставленных князем Самаром, которых всех и порубили. А как сам князец Самар с восемью другими князьцами, которых он себе для вспоможения собрал, от шуму пробудился, и хотел со своими людьми себя защищать, то он при первом выстреле был убит пулею, отчего остальные так испугались, что все обратились в бег.

Самар погиб, но его потомки продолжали княжить в Белогорье. Князец Таир Самаров упоминается в царствование Василия Шуйского (1606–1610), Байболак Самаров – в царствование Михаила Фёдоровича (1613–1645). Под 1635/36 г. упоминается рядовой хант Коял Самаров (Бахрушин С.В., 1955а, с. 140).

Фамилия Самаров довольно распространена у сибиряков. Однако связать конкретных лиц происхождением с лукоморскими самарами крайне трудно, так как среди них немало выходцев из Самарской губернии.

Река Каяла/Каяловы

Причерноморье. Гидроним Каяла имеет прозрачную этимологию, раскрывающуюся из тюркских языков: *кая* ‘скала’ и *ла* <лы(у) – аффикс обладания, т.е. ‘со скалами, скалистая’. Опираясь на фразу «*Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы*» в «Слове...», можно согласиться с этой этимологией, так как быстрые реки могут быть только в каменистой местности. Горячо поддержали эту этимологию К. Менгес (1979) и А.И. Попов (1967), настолько она была прозрачной.

Из других этимологий были предложены следующие.

Н.А. Баскаков (1985) сомневался в убедительности этимологии и предложил свою, также исходящую из тюркских языков. Глагол *quj-* ‘срезать, резать» лежит в основе названия некото-

¹По другим данным (Белобородов С.А., 1997, с. 29) – Никиты Пана.

рых трав, обладающих режущими листьями, например, осок. Название Каялы он выводит из тюрк. $qaj-yaq > qaj-yaq + ly$ 'изобилующий травой осокой', в русской адаптации Каяла. Это название Н.А. Баскаков связывает с огузо-половецким словом $qoqa-ly$ 'изобилующая кугой, порослями осоки или особого вида камыша – куги'¹. Предкавказская р. Ея (впадает в Таганрогский залив Азовского моря) имеет притоки с тюркскими названиями Сассык Ея 'вонючая Ея' и Куга-Ея 'камышовая (правильно – рогозовая) Ея'. К.Г. Менгес (1979) не поддержал версию Н.А. Баскакова: в тюркских языках, по его мнению, VyV не переходит в VjV , где V – любой гласный.

М.Т. Сокол (1973) выводил имя р. Каяла из тюрк. $qaj+jaly$ '(река) со скользкими берегами'. С этим не согласился К.Г. Менгес (1879). Но он отметил, что слово $jaly/jaly$, известное только в турецком и крымско-татарском (и караимском. – А.М.), является заимствованием из новогреч. $\gamma\iota\alpha\lambda\acute{o}\varsigma/gualos$ 'берег'.

Б.А. Рыбаков (1971) поддержал высказанную ранее (в 1889 г.) Е.В. Барсовым оригинальную версию, которая одно время была популярной. Он считал, что Каяла – это лингвистический эвфемизм, замена имени р. Сюурлия, где князь Игорь Северский потерпел поражение от половцев, и имеет значение «жал-река», отражающее сожаление, что когда-то состоялся неудачный поход Игоря. Версию эту Б.А. Рыбаков подкрепляет следующими примерами: тюрк. $qajjuylu > qaj(y)aly$ 'печальный, горестный' (ср. тур. $qauu$ 'печаль, горе')².

Но наше внимание привлекла этимология Каяловых – *кайла* 'коромысло', то есть река, изогнутая как коромысло. Возникла мысль о возможном переводе с тюркского языка на русский. В тюркских языках слово **кый-* означает 'кривизна, искривленность': тел., лебед., койб., шор. *кыйр* 'кривой, вывороченный', уйг. *кый-* 'делать кривым, согнуть', караим. *кый-* 'повернуться в сторону, отклониться', кирг. *кыйгач* 'кривой, изогнутый', алт. *кыйа* 'криво', каракалп. *кыйсык* 'криво'.

¹ Каз. *куга* 'рогоз *Typha* sp.'.

² Возможно, славянское *каяться* заимствовано из арийского языка: санскр. *khai* 'сожалеть' (Гильдерфинг А.Ф., 1854, стлб 222).

Можно высказать предположение, что слово *каяла* образовано от тюркского слова **кый* со значением *кривизна*, искажённо-го в ходе русской адаптации и воспринятого как *коромысло* (изогнутое изделие из дерева). Необходимо отметить, что в волжскотюркских и казахском языках слова, обозначающие *коромысло*, фонетически сходны со понятием *криво*: башк. *кӧэнтэ* (приблизительное написание), каз. тат. *коянтэ*, казах. *күйеңте*. Правда, В.Г. Егоров (1964) выводит эти слова из чув. *кив* 'толочь бельё в ступе' (потом пест используется как коромысло). Нам это сопоставление представляется неудачным.

Возможно, автор не рискнул бы поставить под сомнение очень прозрачную этимологию гидронима Каяла 'со скалами', если бы не название левого притока Волчьей (=Каялы) – Ялы. Невольно напрашивается сопоставление финалии гидронима Каялы с названием этого притока Ялы. Из всех тюркских языков только в караимском, потомке хазарского, а также турецком и крымско-татарском языках (Менгес К.Г., 1979, см. выше) удалось найти объяснение гидронима Ялы. Это апеллятив (географический термин) *ялы* 'берег'¹, перешедший в имя собственное (гидронимы Ялы, Мокрые Ялы, Сухие Ялы). В итоге можно разложить русифицированный гидроним Каяла на два компонента: *кый*+*ялы* 'кривой берег' → *каяла* 'излучина, кривун → коромысло'. Версия эта нам представляется привлекательной.

Не оставили ли этот топоним причерноморские арии? В санскрите известно слово *jala/джала* «вода» (Гордеев Ф.И., 1969).

Сибирь. Река Каяла имеет немало тёзок среди жителей Сибири. В архивах отложились несколько документов с именем Томилки Каялова, жителя Байбалаковских юрт. В одном из документов от 7195-го октября 13 дня (1686 г. – А.М.) написано: «*Се аз ясашный остяк Тобольского уезду Белогорской волости Сияка Ураксеев, да яс Томило Каялов...заняли есми на Самаровском яму у ямских охотников у Федора Змановского ... де-сять рублей денег московских...*». В документе от 1692 г., июня 30 дня, сообщалось: «*...ясашные остяки Белогорской волости Байбалакиных юрт Томило Каялов с товарищи поступились*

¹ Не могу не отметить серб. *ялия* 'берег' (Гильдерфинг А.Ф., 1853), возможно новогреческое заимствование.

В метрической книге Тымского прихода за 1920 г. зарегистрирован брак селькупки В.М. Каяловой, жительницы юрт Казацких, и крестьянина с. Кетского Г.Н. Панова (Кучер А.Н. и др., 2005). В «Списке...» (1893) упоминается речка Усть-Кайлинская у юрт Кайбасовых. Не названа ли речка по фамилии Каяловых?

Помимо выше упомянутых юрт Куялских на Оби, в начале 1930-х гг. на Тyme стояла русская деревня Каялова между инородческими юртами Лыко-Корамо (позже Пыль-Корамо) и Лымбель-Корамо. Она показана на государственной карте миллионного масштаба (Р-44), составленной по съёмке 1933 г. (рис. 8). Е.Н. Орлова (1928), проводившая в 1927 г. обследование населения по Тyme, ещё не зафиксировала деревню Каяловых. Ею отмечено лишь одно русское поселение, основанное Бедаревыми. Следовательно, деревня Каялова на Тyme возникла в 1928–1932 гг. Но вскоре она была заброшена: на карте Томской области, изданной в 1945 г. по материалам 1939 г., деревня Каяловых не была показана, хотя инородческие юрты Лымбель-Карамо (сельк. ‘орлиный посёлок’) и Пыль-Карамо (сельк. ‘землянка с печкой’) сохранились. Возможно, русское население с Тыма было вселено в начале 30-х гг. в связи с организацией туземного района.

Г.И. Пелих упоминает, что на Тyme в 1930 г. был **селькупский** посёлок Кыгель-Карамо, в котором жили 12 человек по фамилии Каяловы. Не этот ли населённый пункт был обозначен как Каялова? Однако ниже по течению от дер. Каялова, не доходя до Напаса примерно 15 км, были юрты Кегель-Коромо (карта Томской области, 1945 г.), с которыми правильнее связывать упоминаемые Г.И. Пелих юрты Кыгель-Карамо. Таким образом, деревня Каялова и юрты Кыгель-Карамо – это два разных населённых пункта, в которых жили Каяловы, в первом русские, во втором остяки (селькупы).

В те годы было чёткое разграничение русских и инородческих поселений, последние всегда назывались юртами. В частности, С. Патканов (1911, с. 157) отметил на Тyme остяко-самоедские (**селькупские**) юрты Лымбель-Карамо и Пыль-Карамо, в которых проживали соответственно 6 (из них двое мужчин) и 7 (двое мужчин) человек. Нам представляется, что,

возможно, именно **русские** Каяловы из дер. Каялова на Тыме ушли на восток, на рр. Турухан и Баиха, где воспоминания о них у местных селькупов еще сравнительно недавно записала Г.И. Пелих (1995, с. 78). По её сообщению, русскоязычные Каяловы сохранились в памяти населения Тазовско-Туруханского междуречья: местные старики-селькупы ещё в 1970 г. помнили, что «в нижнем углу между Баихой и Туруханом жили какие-то Куялы», которых ещё звали Иваны. Куялы заняли селькупские земли, отчего между ними происходили стычки.

Каяловы и ныне живут в Ханты-Мансийске, Томске и Томской области.

Цинг(алы/аны)

Происхождение этнонима *цинг(алы, аны)* в научной литературе совершенно не рассматривалось, так как «всплыл» этноним недавно, хотя «мозолил глаза» любителям старины несколько столетий.

На карте фламандского картографа Абрахама Ортелиуса (1527–1598), изданной в 1570 г., ещё до похода Ермака, было показано на Оби (ошибка) поселение **Цинголо** (рис. 9). Это поселение под названием Цингалы и ныне стоит на Иртыше (во времена Ортелиуса на Западе реку Иртыш ещё не знали). Позже (перепись 1897 г.) это поселение было известно как Цингалинские юрты Нарымской инородческой волости и насчитывало 35 хозяйств с населением 83 муж., 98 жен. пола (Патканов С., 1911). А.К. Матвеев (1997, с. 150) приводит и хантыйское название с. Цынгалы: Вош итпа пугот (Воч итпа пугот) ‘селение под городком’, так как на горе близ юрт раньше находился остяцкий городок Тапор вош. В связи с этим можно предполагать, что название поселению (Цингалы) дали не ханты, а какой-то иной народец. Тем более, что в хантыйском языке фонема *ц* вообще отсутствует.

На исторической карте Ханты-Мансийского автономного округа (XVII в.) показан этнический район **Цынга** между средним течением р. Демьянка (правый приток Иртыша) и верховьями р. Бол. Салым – левого притока Оби (Атлас Ханты-Мансийского автономного округа, 2006, т. 1, лист 23).

Рис. 9. Фрагмент карты Ортелиуса (1570 г.) с населённым пунктом Цинголо (вверху) и расселение «народа» цынга в XVII в.

Е.П. Савельев (1860–1927), казачий историк и краевед из Новочеркасска сообщал (Савельев В.П., 2010, с. 76), что в античное время Причерноморье заселяли сарматские племена

ясиги, яциги, зиги, языги, зихи, а также сиги, циги, **цинги** и цихи, а также аланы, роксоланы. Похоже, он опирался на сведения Птолемея Клавдия (ок. 90 – ок. 160 гг.). Если увязать в единую версию античный народ **цинги**, доермаковский топоним в Сибири **Цинголо** и ареал «народа» **цинга** на недавно изданной исторической карте Нижнего Приобья, то встанет вопрос: когда в Сибирь мигрировали эти таинственные цинги и кем они были?

Русские Каяловы сохранили предания, что западнее их на прежней родине в Причерноморье жили **цингалы**, которые раньше их, Каяловых, ушли в Сибирь. Где Каяловы стали вновь жить с ними по соседству.

Бытование **цингов/цингалов** в лесной зоне Западной Сибири по Иртышу и Нижней Оби вплоть до современности подтверждается несколькими надёжными источниками ономастического порядка – топонимами и антропонимами.

Цинги в Сибири. Цынгалы (цынганы), переселившиеся в Лукоморию, очевидно, были более многочисленны, нежели Каяловы, и приход их в низовье Иртыша был более ранним. Выше отмечалось, что на карте А. Ортелиуса (1570 г.; до Ермака!) на Иртыше был показан населённый пункт Цинголо (см. рис. 9).

До сих пор сохранилось немало топонимов с основой *цинг-* по Иртышу и Оби (см. ниже).

От этнонима (клички?) цынгане образовано немало названий населённых пунктов.

1. По карте С.У. Ремезова (1701 г.) можно проследить и более южные остановки *цынгал* по пути к Иртышу. Возможно, они останавливались в Зауралье на р. Пышма, притоке Тобола: здесь, между с. Червишево и ст. Винзили в Тюменской области, слева в Пышму впадают две соседствующие речки с одинаковым именем Цынга.

2. Цингинские юрты при рч. Немиче (Верхне-Демьянская инородческая волость, причисленная к Демьянской волости) – хозяйств 3 (1), жителей: 7 муж., 8 жен. (Патканов С., 1911). Локализовать положение юрт и речки нам не удалось;

3. На исторической карте Ханты-Мансийского автономного округа (XVII в.) показан этнический район Цынга меж-

ду средним течением р. Демьянка (правый приток Иртыша) и верховьями р. Бол. Салым (левый приток Оби).

4. Цингалинские юрты при р. Иртыше. Нарымская инородческая волость, 35 хозяйств, 83 муж., 98 жен. (там же), современное название Цингалы. А.К. Матвеев (1997, с.150) приводит и хантыйское название с. Цынгалы: Вош итпа пугот (Воч итпа пугот) 'селение под гордком', так как на горе близ юрт раньше находился остяцкий городок Тапор вош. Напомним, что в хантыйском языке нет фонемы *ц*. Эти примеры (второе, аборигенное название села и фонема *ц*) свидетельствуют о нехантыйском происхождении названия с. Цингалы;

5. Юрты Цингинские на Демьянке;

6. Юрты Цингинские, Цингалинские в Уватском районе;

7. Изба Цынганина и юрты Цынганины показаны на государственной карте миллионного масштаба в бассейне Большого Югана, левого притока Оби. Изба находится на р. Керпетмуль (правый приток р. Юган в его верховьях), а юрты – на левом берегу Бол. Югана примерно в 140 км ниже избы. Этот населённый пункт из одного жилого здания функционирует и ныне под таким же названием (см. ниже);

8. На Сургутском листе Чертёжной книги Сибири С.У. Ремезова (1701 г.) показаны юрты Цынгины и рядом речка Цынга. На этом же листе против Сургута на Оби показан остров Цынга-пай. И ныне на берегу Оби между Сургутом и железнодорожным мостом имеется жилое место Синга-пай;

9. Юрты Цынганины на р. Бол. Юган, известные ныне как юрты Цингалинские, в 2004 г. посетила аспирантка Томского педуниверситета Л. Парнюк. Там живёт семья хантов (двое взрослых и трое детей), но фамилия их не Цингалины. Занимаются заготовкой рыбы для собак и себя, сбором ягоды, имеют мо торные лодки и снегоход «Буран». Сохранились жилищные ямы, которым, по словам ханта, 200 лет. Аспирантка обратила внимание на высокий рост хозяина, не характерный для хантов. Не является ли он потомком обостячившихся русских?

10. Остаётся неясным происхождение имени первоначально русской деревни Цыганово, ныне Зыряновского района Томской области, в левобережье Чулыма, между рр. Яя и Кия (Агеева Н.И., 1953). Этот населённый пункт основан ранее

что тот и выполнил. Чинга разрешил Тайбуге поселиться по своему усмотрению. Тайбуга выбрал место на берегу Туры и построил там город Чинги-тура, названный в честь своего покровителя и погубителя отца. Но Тайбуга был современником Чингиз-хана (Мартынова, Е.П., 2003), поэтому событие это уводит нас в XIII в., что почти на сотню лет раньше, чем предполагается приход Каяловых на Иртыш. Но это не противоречит легендам Каяловых, согласно которым цингалы (цынганы) ушли в Сибирь раньше их. Не лежит ли в основе легенды, подробно изложенной Гр. Новицким (1941), действительное событие, связанное с приходом на Tobol людей *чинга* (< *цинга*)? Ведь на чертеже С.У. Ремезова недалеко от Тюмени показаны две реки с одинаковым названием Цинга. Материалы Гр. Новицкого как будто позволяют утвердительно ответить на тот вопрос. Чинчин, не имевший наследников, передал власть Тайбуге, от которого было потомство в четыре поколения: Ходзя (Ходжа? – А.М.) → Мар → братья Адер и Абалак → от Адера сын Магмет. После четвёртого поколения пришёл Козачей (Золотой) орды Кучум Мартазиев, который покорил оружием своим Сибирское ханство (столица Чинчина уже была разрушена, ставка перенесена на Иртыш), «... погубиша царствующи князей Себирских Етичера и Бейбулата» (с. 34–35). По сведениям Гр. Новицкого (1941, с. 35), именно Чинчин ввёл «зловѣрѣя махаметанска».

Рис. 11. Онимы на - цинг:
а – населённые пункты (1 – юрты Цынгини, 2 – Цынгинские юрты, 3 – изба Цынганина; 4 – юрты Цынганины, 5 – юрты Цынгинские и Цынгалинские, 6 – с. Цыганово); б – реки (Цинга); в – остров (Цынга-пай); г – люди

Позднейшие словообразования с этим корнем приводили к разнонаписанию производных. В антропонимах типа Цинганин, Цингаев участвует обычное для русских фамилий окончание (ср. Копытин, Коптяев). Вариант Цингин сформирован также по русскому шаблону (ср. татарин, башкирин, болгарин, долганин)

Имена собственные, образованные от этнонима *цинг(ал)*, на территории Западной Сибири показаны на рис. 11.

На карте «Расселение народов Западной Сибири в XVII» Атласа Ханты-Мансийского национального округа (2006) в «углу» между Иртышом и субширотным отрезком Оби (в правобережье нижнего и среднего течения Демьянки) показана местность с надписью **Цынга**. Эта надпись свидетельствует об относительно компактном проживании здесь цингал. Их следами являются довольно многочисленные топонимы, поименованные выше.

Антропонимы, образованные от этнонима *цинг(ал)* немногочисленны:

1. С.В. Бахрушин (1956, с. 226) упоминает в документе от 1484 г. (100 лет до Ермака!) казымского князя Цынгол-мурзу.

2. Потомком цынган был казымский остяк (хант) Богдашко Цынгопов, «пущий изменник», который подстрекал соплеменников не вносить ясак (Миллер Г.Ф., 1941, документ от 20 октября 1607 г.).

3. Цынгаев – хакасы сеока Пайгудуг Малобайкотовской волости. Такую фамилию среди хакасов обнаружил В.Я. Бутанаев (1994, с. 76). Волость считалась коттоязычной, но фамилия не вписывается в систему фонетики коттов: им была чужда фонема *ц*, как и тюркам, хантам, селькупам. Как и когда в составе хакасов возникла эта фамилия, остаётся только гадать. Возможно, русско- или селькупоязычные Цынгаевы (<цинг) пришли по долине Чулыма в Хакаско-Минусинские степи, где и были отюречены.

4. Цынгаловы и Цингаловы и ныне живут в Ханты-Мансийске, Томске и области.

Таким образом, топонимы и этнонимы с основой *цинг-* в Сибири довольно многочисленны, что указывает на реальность цынган/цингал, о которых свидетельствовали сибирские Каяловы. Предки их на прежней родине в Причерноморье проживали по

соседству с Цинганами. Цинганы были христианами (Замысловский Е., 1884) и более ранними сибирскими мигрантами. Об этнической принадлежности цинган нет никаких сведений. Если же опираться на информацию Е.П. Савельева (2010), в которой упоминаются среди адыгов/черкесов группа цингов, то цынгане/цынгалы сибирские были изначально адыго(черкесо)язычными. Любопытно, что на Чулыме ещё в конце 40-х гг XX в. находилось с. Черкесово.

В ходе длительного и тесного контакта с остяками (хантами) они перешли на язык хантов («обостячились»). Но и сохранив родной язык, цынганы при контакте с русскоязычными казаками Ермака не могли быть опознаны казаками как нехантыйское население. Это одно из объяснений, почему казаки не могли узнать о былом причерноморском происхождении некоторой части местного населения.

Цынгалы или цынгане? В статье о Каяловых Г.И. Пелих называет их соседей цынгалами. Это название подтверждается и именем села, основанного ими на берегу Иртыша в доермаковское время (Cingolo). Однако можно предполагать, что их самоназвание (?) было *цинг*. Сравним несколько вариантов топонимов и антропонимов, созданных на основе этого корня (заимствованы из разных источников):

Цингалинские юрты,
Цынгалы – село,
Цынгопов – фамилия,
Цингаловы и **Цынгаловы** – фамилия,
Цинга – несколько рек,
Цинга-пай – остров,
Цинганина – изба,
Цынганы – населённый пункт,
Цингинские – юрты,
Цингеровка – населённый пункт,
Цингаев – фамилия.

Подтверждается это и названием «народа» по р. Демьянке – Цинга (см. рис.9). К сожалению, нам не известен источник, который позволить выделить этот «народ» в Нижнем Приобье.

И ещё одна интригующая деталь.

На ряде давних карт (Кордт В., 1891, 1910) на восточном берегу Азовского моря, немного севернее р. Сора (Копа – итальянское название; ныне Кубань), находился населённый пункт с итальянским именем Сінсора (Цинкопа/Чинкопа). Это название отдалённо напоминает **Цинги**. К тому же, давнее произношение жителями Апеннин фонемы с перед гласным *i* (**и**) было **ц**. В нашем случае название населённого пункта звучало как Цинкоп. Структура топонима затемнена, предложенная версия – это только первое предположение.

Версия первая – цыганская. Первое, что приходит в голову, а не цыганы¹ ли, бродячее арийское племя, скрывается за рассматриваемым этнонимом? Тем более, что, судя по легендам Каяловых, их задонецкие соседи имели слабость к лошадям и за конокрадство были изгнаны из благодатных тёплых степей.

Цыганы, одна из каст неприкасаемых, издавна населяли северо-западную часть Индии. Исход цыган из Индии относится к 420 г. н.э., и длился он, чуть ли не тысячу лет – вплоть до эпохи Великих Моголов (ранее 1526 г.). Путь из Индии шёл через Афганистан и Персию, северную Африку в Испанию. Давнее пребывание цыган в Египте отразилось в их названии *фараонов народ*, *фараоново племя*. Египтянами они называли себя, придя в Испанию, но испанцы пользовались именем *гитанос* ‘гитаристы’. Своё нынешнее название цыгане получили в 1322 г. в Греции от греческого слова *аттиганос* или *атсинганос*, как именовалась секта музыкантов и предсказателей. От греческого образованы ит. *zingani* (!), тур. *tschingiané* (Большая советская энциклопедия, 1934, т. 60). Самоназванием цыган является *ром*, что означает ‘род, племя, человек’.

Различные народы называют цыган по-разному: англичане – *gipsis* (египтяне), испанцы *gitanos* ‘гитаристы’ или *tsiganes* (греческое заимствование), немцы – *Zigeuner*, итальянцы – *zingari*, голландцы – *zigeuner*, армяне – *гнучурен*, венгры – *cigany*, или *pharao nereke* (‘фараоново племя’), грузины – *бошеби*, финны – *mustalaiset* (‘чёрные’), турки – *çingenler*, азербайджанцы – *гарачы* (*qaraçi* ‘чёрные’), евреи – *tso’anim*, болгары –

¹ Часто применяется написание *цыгане*.

цыгане. Из перечня видно, что преобладал этноним греческого происхождения (см. выше).

Те цыганы, которые проникли в Армению, в дальнейшем перебрались в Византию. С распадом Византии цыганы рассеялись по всей Европе.

Цыганы в Восточную Европу пришли в следующие времена. В Молдавию они пришли из Греции в XV в. На Украине этническая группа цыган *сэрвы* обосновались только в XVI–XVII вв., в европейской части России цыгане появились в петровские времена, столетием позже, чем на Украине, и пришли они из Польши. Как сообщается в рукописи XVII в., «*цыганы есть люди в Польше, а паидоша от немец на татьбу и всякое зло хитры*» (Друц Е.А., Гесслер А.Н., 1990, с. 24).

В Екатеринославской губернии, ныне Днепропетровская область, цыганы впервые отмечены только в 1791 г. При описании народов, населявших в 1859 г. Екатеринославскую губернию, цыганы вообще не упомянуты. Однако имеются сведения о появлении здесь бродячих цыганских таборов и ранее, в послепетровское время (см. ниже).

Причерноморье. Лишь условно этноним *цынганы* можно усмотреть в названиях трёх населённых пунктов:

1) Цыгановка (34 двора, 240 жителей) в нескольких километрах к югу от Павлограда;

2) Цыгановщина (57 дворов, 511 жителей) в низовьях р. Терсь, левого притока Самары, по соседству с предыдущей Цыгановкой;

3) Цыгановка (2 двора, 28 жителей) по р. Бритае, где-то в верховьях р. Терновка, правого притока Самары (Список..., 1863).

Вряд ли эти топонимы связаны с цыганами и не являются следствием более позднего некоторого упрощения основы *цынганы* и приведения их к знакомому слову *цыганы*. В Цыгановщине на Терсе в 1869 г. было 57 дворов, в которых жили 511 человек. Цыганы в давние времена, как и ныне, никогда не создавали таких крупных постоянных посёлков. Вряд ли эти населённые пункты были основаны непоседливыми цыганами. Когда в 1733 г. Анна Иоановна издала указ о сборе денег с цыган на содержание Ахтырского полка, с мест было сообщено, что

цыган «...в перепись писать было невозможно, потому что они дворами не живут» (Деметр Н. и др., 2000, с. 187)

С известной долей условности, мы полагали, что изначально населённые пункты в Причерноморье получили имя по *цыганам/цингалам*, упомянутым в преданиях сибирских Каяловых. Но Вл. Подов (2007) выяснил, что с. Цыгановка в Синельниковском районе Днепропетровской области названо по фамилии Цыганкова, управляющего имением князя Воронцова-Дашкова в XIX в.

Ойконимы (имена собственные населённых пунктов) с основой *цы(н)г-* сосредоточены в низовье р. Волчья, которое по легендам Каяловых в прошлом называлось Байбалакой. Это согласуется с преданиями сибирских Каяловых о том, что *цыганы* жили западнее их. Следовательно, река Каяла в их времена располагалась восточнее этой *цыганицыни*, по нашему мнению, где протекает река, известная ныне как Волчья. Если это так, то предания сибирских Каяловых можно считать достоверными и по другим сюжетам.

Более ранний (1627 г.) перечень рек в системе Самары также не содержит разыскиваемых нами названий типа Байбалака, Каяла (Книга., 1838). Упоминаются известные нам рр. Самара (Самар) и Волчьи воды.

Судя по Списку... (1863), на р. Кальмиус (впадает в Азовское море на территории Донецкой области) стоял нас. п. Цингеровка (возможно, даже центр уезда). Пожалуй, это наиболее показательный довод в споре *цыганы* или *цинг(аны/алы)*, которые обитали на междуречье Дона и Днепра. Однако нельзя исключить возможность образования топонима от фамилии немецкого колониста *Цингер*.

Ясно только, что к цыганам рассматриваемый этноним не имеет никакого отношения. Идентификации цыган и цынган противоречит хронология событий, изложенной выше. А если отвлечься от этой хронологии? А если учесть изначальную греческую форму *атсинганос* и образованные от неё ит. *zingani*, тур. *Tschingiané*? Не приведет ли в это семантическое гнездо и причерноморский этноним *цынганы*? Может быть, графическое изображение *нг* в середине слова отражает заднеязычный дифтонг *ɲ*, который в результате разложения в русской адаптации поте-

рял звук *н*, что в итоге привело к переходу *цынганы* в *цыганы*. Если это так, то можно было бы допустить приход цыган в Сибирь в очень раннее, доермаковское время. В этом случае даже можно предполагать, что название дер. Цыганова на территории Томской области образовано от клички русского поселенца Цыган. Нам столь раннее появление цыган в Сибири представляется маловероятным.

Версия вторая – сингальская. Представляется она как совершенно невероятная, фантастическая, но формально приемлемая. Речь идёт о возможной связи этнонима с названием одной из древних групп ариев Индостана – сингхами (сингалами). Древние арии, предки скифов, некогда, в эпоху бронзы (примерно 3500 лет назад), заселяли Причерноморье. После ухода значительной части причерноморских ариев в Среднюю Азию, а оттуда и в Индостан, какая-то часть их осталась на старом месте. Античные авторы именовали их меотами, от которых в античное время были образованы названия Азовского моря – Меотские болота (римляне) и Меотийское озеро (греки). Меоты также известны как синды (I тыс. до н.э.). В середине этого тысячелетия они создали на Таманском полуострове государство Синдика. В начале нашей эры они смешались с сарматами. Этническая принадлежность синдов/меотов не ясна. Принадлежность их к иранскому кругу признается не всеми исследователями. Возможно, они были родом из алародийской (адыго-абхазской) среды. Нельзя не отметить некоторое фонетическое сходство этнонимов цинги и синды.

Но обратимся к событиям глубокой древности на Индостане.

В I тыс. до н.э. в северной части полуострова существовало арийское царство Лала, правители которого называли себя Сингх 'лев'. Сын одного из правителей по имени Виджайя, поссорившись с родственниками, покинул родину и в 543 г. до н.э. перешёл по Адамову мосту на остров, который был назван Сингхаладвипа 'остров львов', отчего и жители его стали называться сингалами. Название острова Сингхала англичанами было искажено до Силон (Ceylon), в русской транскрипции – Цейлон.

Сингалы освоили морской путь в сторону Китая и основали крепость Сингапур 'львиный город' на острове при выходе из

Молакского пролива. Топонимисты, опираясь на факт отсутствия в Юго-Восточной Азии львов, считали название Сингапур метафорическим (Никонов В.А., 1966).

Сингалы Южной Азии и **цингалы** Причерноморья – это фонетически близкие этнонимы. Пребывание предков древних сингалов (ариев) в Причерноморье не вызывает сомнений. Это даёт историческую, но формальную основу для предположения о родстве этнонимов (*цынгалы* ~ *сингалы*). Но... Но в Причерноморье не было львов, как и в Юго-Восточной Азии, и этнонимы *сингалы/цынгалы* ‘львы’ не могли возникнуть в этих регионах Евразии. Этноним сингхи (>сингалы) мог возникнуть только на территории Индостана, куда примерно 3,5 тыс. лет назад переселились предки индийцев (индоарийцев) из Причерноморья и где до сих пор сохранились популяции азиатских львов. В языке хантов имеются слова иранского типа, но, похоже, они заимствованы через восточно-финские языки (Малолетко А.М., 2005). К тому же в скифской среде Причерноморья не зафиксированы этнонимы с корнем **цинг**. Ираноязычность иртышских цынга(лов/нов) мало вероятна. А то можно было бы, наконец, имя р. Обь действительно связать напрямую с иранцами (позднеиранское *об* ‘вода’).

По нашему мнению, более предпочтительной является следующая версия – кавказская.

Версия третья – кавказская. Эта версия тоже невероятная по реализации, но формально убедительна. Основана она на упоминании (см. выше) народа цинги среди несомненно кавказских (адыгских) племён (ясиги, яциги, зиги, языги, зихи, а также сиги, циги, **цинги** и цихи). Ш.Б Ногмов (1794–1844) писал: «...наши предки (адыги. – А.М.) жившие по берегу Чёрного моря, сделались известными своим соседям под названием человека: *циг, джик, цух*» (Нгмгов Ш.Б., 1958, с. 67). Не отсюда ли происходит этноним *цинг*? Обитание кавказских племён в Северном Причерноморье делает это предположение вполне вероятным.

Зихи, или приморские адыги были известны на Северном Кавказе с I в. до н.э. до XV в. н.э. В конце IX в. н.э. они обитали по р. Кубань (Гаглойти А.С., 1966, с. 252). Осетины называли их *кашагами*.

Рис. 12. Расселение кавказских народов восточнее Азовского моря. Фрагменты карт С. Герберштейна, 1546 г. (вверху) и И. Массы, 1633 г.

В русских летописях эти *кашаги* нередко поминались под именем – *косоги*¹ (ср. рати *косожские*). Потомки косогаов ныне известны как жители Северного Кавказа – *адыги* (ранее *азиги*, *зихи* и др.), *кабардинцы* и *черкесы*, (от перс. *tscherikass* ‘воин, воинственный люди’) или ранее – *керкеты* (греческое название С. Броневский связывает со Страбоном). Все они относятся к адыго-абхазской языковой группе. Адыги черкесами стали называться в 30-х гг. XVIII в. (История., 1988, с. 236). После татарско-монгольского владычества косоги занимали северные приазовские степи. На картах Южной России (XVI–XVII вв.) они закреплены под названиями *CHIRKASSI* или *Sabardi* (Кордт В., 1891, 1910; Рыбаков Б.А., 1974).

В середине I тыс. до н.э. причерноморские адыги находились под сильным влиянием греков. Император Юстиниан (482–565) способствовал принятию адыгами (черкесами) христианства. Это подтверждается и надписью на карте С. Герберштейна (1550 г.): *Cirkassi svinsue montani populi cristiani* и информацией Е.П. Савельева (2000), С. Броневско-го (1823, с. 42. Но в 1717 г. христианство окончательно было уничтожено крымским ханом Девлет-Гиреем по приказу турецкого султана.

Любопытно, что на Чулыме ещё в конце 40-х гг. XX в. находилось с. Черкесово.

Байбалака

Причерноморье. По преданием Каяловых, Байбалака – это название нижнего течения Каялы. Оно имеет безупречную этимологию из тюрк. *бай* «богатая» и *балак* (<*балык*) ‘рыба’. Возможно, нижнее течение р. Каяла, которое называлось Байбалака, действительно было богато рыбой, как писал об этом К. Петкевич (2002). Но в тюркских языках бытовало слово *балык* ‘город’. Так, в орхонских надписях VI–VIII вв. (Монголия) упоминается уйгурский город на Селенге – Бай-Балык, название которого М.Н. Мельхеев (1995, с. 36) даёт в написании

¹ Есть предположение, что слово *казак* (более раннее написание *козак*) образовано от этнонима *косога*.

Байбалаг. Однако никаких исторических сведений того времени о городе в низовье р. Волчьей нет.

В доступных нам источниках ни разу не были обнаружены топонимы, которые хотя бы фонетически можно связать с сибирскими топонимами. Не найдены они ни на картах западно-европейских картографов (Кордт В., 1891, 1910), ни в «Книге Большому чертежу», ни в «Списках населённых мест». Тем не менее, я не сомневаюсь в реальности такого топонима, о бытовании которого Г.И. Пелих узнала от сибирских Каяловых.

Возможны два объяснения такой исторической забывчивости:

1) топоним Байбалык, в форме Байбалака заимствованный у тюрков, был известен узкому кругу самаров Задонщины, именно семейству Каяловых, которые занимали земли по среднему течению реки (ныне именуемой Волчьа); после ухода их в Сибирь топоним вышел из употребления;

2) топоним рано вышел из употребления, он не дожил до времени письменной фиксации имён собственных географических объектов в Приднепровье.

Возможно, он издавна имел двойные названия – тюркское и русское, из которых более употребительным стало русское.

Сибирь. Название Байбалака скопировано в Сибири во многих вариантах. Это протока Байбалаковская у Ханты-Мансийска, которая отходит от Иртыша и впадает в Обь ниже с. Самарово. Г.Ф. Миллер (1996), проезжая из Берёзова в Тобольск в 1740 г., записал второе название протоки *Kelma-passil*, однако местные ханты не смогли перевести его мне на русский язык. Здесь же были юрты Байбалаковские. Оба топонима упоминаются в исторических документах. В документе от 26 октября 1865 г. жители Байбалаковских юрт просили *«самаровцам воспретить, чтобы они в Байбалаковской протоке близ устья реки Иртыша заповор для добычи весной рыбы не делали...»* (Лопарёв Хр., 1899, с. 205).

Выше приведён документ от 1692 г. с упоминанием Байбалаковской протоки. Н. Спафарий в своём путешествии 1675 г. отметил Байбалаковское плёсо на Оби несколько ниже устья р. Тым. Антропоним Бойбалак Самаров приведён выше.

Несомненно, Байбалаковская/Байбалакова протока – это гидроним не остяцкого, а русского происхождения, но с тюркской первоосновой (см. выше). Однако нельзя не рассмотреть и иную точку зрения. Известно (см. выше) имя сына (?) князька Самара, убитого Брызгой, – Байболак Самаров (Н.А. Балюк, с.191, считает Байбалака сыном Таира Самарова, то есть внуком Самара). Если обратить внимание на второй известный вариант написания названия протоки – Байбалакова, можно высказать предположение, что имя протоки дано по антропониму. Это, однако, не исключает возможность образования имени человека от названия реки. В давние времена этот принцип именования людей был обычным делом (ср. имена татарских ханов Ишим, Алей, Иртышак и др.). Наиболее применима эта версия к названию Байбалаковской протоки у Самарово, которая могла получить свое имя от Байбалакиных юрт, а последние именуются, как правило, по первопоселенцу или главенствующему лицу. Таковым мог быть Байбалак. Имя Байбалака, внука князька Самара и сына Таира Самарова, тому подтверждение: у обостячившихся русских оно также было в ходу.

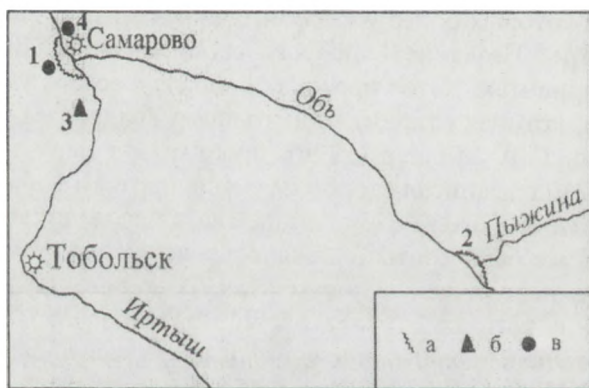

Рис.13. Онимы с основой *байбалака*

а – протоки (1 – Байбалаковская протока Иртыша–Оби, 2 – Байбалаковская протока и Байбалаковский плёс против устья р. Пыжины); **б** – населённый пункт (юрты Байболинские); **в** – люди (Байболак Самаров)

Известна обская протока Байбалакова (Бабалакова; Спафарий Н. 1960, с. 65) недалеко от устья р. Тым (ныне Томская об-

ласть), но не известен в Нарымском Приобье человек с этим именем. Возможно, Байбалаковские протоки названы в память о реке прежней родины.

Байбалаковская протока показана на карте в книге Хр. Лопарёва (рис. 13). Известна она под таким названием и ныне. Возможно, к этому же топониму восходит название Бойбалинских юрт на р. Конда (Список., 1871). В 1897 г. там было шесть хозяйств и жили 29 человек – четверо русских (2 муж. и 2 жен.) и остяки (12 муж. и 13 жен.). В 1928 г. число хозяйств увеличилось до 19 дворов, а число жителей до 54, из которых было 28 русских (Населённые пункты., 1928).

Кроме Байбалаковской протоки, известна речка Байбалакова Котской (Кодской) инородческой управы (Котские городки), на протоке которой стояли остяцкие Миткинские юрты (5 хозяйств, 31 человек; Патканов С., 1911, с. 29). Но это не протока Байбалаковская, которая у с. Самарово берёт начало в Иртыше и впадает в Обь (см. выше). Кодская волость, к которой привязывается р. Байбалакова, находилась в правобережье Оби значительно ниже устья Иртыша (севернее истоков р. Назым, впадающей в Обь у с. Самарово и недалеко от р. Казым). Нам не известно, сохранила ли р. Байбалакова (быв. Кодской волости) своё давнее имя до наших дней или же была переименована.

Паджа

Причерноморье. Г.И. Пелих (1995) приводит упоминание сибирских Каяловых о том, что их на родине дразнили *паджо*. Она же сообщает, что, по данным В.П. Кобякова, опубликованным в 1973 г., на европейской родине Каяловых известен был этноним *паджо-руско*. Однако нам не удалось найти работу В.П. Кобякова «В поисках прародины славян» (М., 1973). Её не оказалось ни в перечне академических изданий, ни в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), ни в ГПНТБ (Новосибирск). Упоминание о ней не удалось обнаружить ни в Книжной летописи, ни в Летописи журнальных статей. Она никак не могла быть авторефератом диссертации, так как Г.И. Пелих ссылается на с. 110 работы В.П. Кобякова. Не встречались и ссылки на интересующую нас книгу в литерату-

ре, посвящённой истории славян. Поэтому в прежних изданиях «Лукомории» мы опирались только на информацию Г.И. Пелих (1995). Однако я не сомневался в достоверности сообщения Галины Ивановны. Лишь на исходе 2008 г. библиограф Научной библиотеки Томского госуниверситета обнаружила в электронном каталоге работу В.П. Кобычева «В поисках прародины славян». Действительно, на с. 110 этой книжки упоминается населённый пункт *Паджо-Руско*, но не этноним.

Происхождение слова паджо нам не известно, так как нигде, кроме работы В.П. Кобычева, оно нам не встречалось.

Сибирь. Как сообщает Г.И. Пелих (1995, с. 76), русских пришельцев из Причерноморья селькупы называют *паджо*: «паджо тыманда», – говорят селькупы. «Паджо-лака», – скажет селькуп, обращаясь к старому уважаемому русскому человеку.

Рис. 14. Онимы на *падж*- (А) и *кай*- (Б):

а – нас. пункты (1 – юрты Паджинские, 2 – юрты Куяльские); б – водные объекты (протока и плёсо Паджинские) ; в – люди (Каяловы)

Г.И. Пелих предполагала, что этноним *паджо* был заимствован селькупам от русских, так как Каяловы называли себя *самарцами* или народом *паджо*. Всех русских, появившихся в Приобье после XVI в., селькупы называют (в отличие от *паджо*) словами: *касак* (< русск. *казак*), *касыр-гула*, или *каса-гула*

(сельк. *каса* 'люди'). Сибирские Каяловы осознавали, что *паджо* – это более обобщающее подразделение по сравнению с понятием *самары*.

Слово *паджо*, которое Г.И. Пелих ошибочно приняла за этноним, нашло отражение в названиях протоки Паджинской и юрт Паджина, Паджинского плёса на Оби около устья Кети (Спафарий Н., 1960) и притока Оби р. Пыжина (раннее название Каилга<Каялова; Пелих Г.И., 1995). С. Патканов (1911, с. 151) зафиксировал юрты Пыжина-1 и Пыжина-2 (юрты За-решные) при протоке левого берега Оби (Нижнеподгородская инородческая волость).

Кальчик ~ Кельчик

Причерноморье. Река Кальчик, северный приток Азовского моря, своим устьем в г. Мариуполь почти сливается с устьем р. Кальмиус. (рис. 15). В книге Большому чертежу есть фраза: «...от речки Елкуваты кверху к речкам Кáлам». Вл. Подов (2007) в число рек Калы включил Кальмиус, Калка и Кальчик с притоком Калец. Не является ли *кал* термином «река»?

При этой реке Кальмиус, называвшейся прежде Калкой¹, 31 мая 1223 г. произошла историческая битва русских и половецких дружин с татаро-монгольским войском, в которой объединённые силы русских и половцев потерпели поражение.

Вл. Подов (2007, с. 33) ошибочно считал Калку притоком р. Кальчик. Крупная река не может быть притоком малой. Калка (ныне Кальмиус) берет начало у Донецка (более 100 км от города), Кальчик почти достигает своим верховьем истоков р. Мокрые Ялы, имея вдвое меньшую длину. Да и присутствие в названии р. Кальчик уменьшительного суффикса *-чик* указывает на то, что это не главная река, так как её название воспринималось как уменьшительное имя. Этот же автор предполагает, что битва князя Игоря с половцами произошла именно на этой реке Калка.

¹Возможная этимология *калка*: тур., перс., узб. 'кольцо, звено, круг' (Фёдоров В.Г., 1956), кирг. 'укрытие, прикрытие', слав. 'грязь, тина, слякоть' (возможно из санскр. *kal-ka* 'грязь' или *khala* 'гаджий'; см. Гильдерфинг А.Ф., 1854).

В преданиях сибирских Каяловых река Кальчик названа Кельчик. Из преданий можно понять, что владения Каяловых находились в 75–80 км (расстояние конского бега) севернее этой р. Кельчик (где-то около устья р. Ялы). В р. Самара впадает р. Кильчени¹ (Список., 1863, с. XX), что также напоминает названия сибирских рек (см. ниже). Другая р. Кальчик известна в низовье р. Орель около с. Прещепино; впадала в огромное озеро, ныне исчезнувшее (Фёдоров В.Г., 1956, с. 52).

Сибирь. Земли сибирских Каяловых распространялись на север по Оби до местечка Кельчик, которое позже стало известно, как хантыйский городок Кельчиларский. Этот городок Казымской волости был зафиксирован в XVIII в. (Бабаков В.Г., 1976, с. 104, табл. 3). З.Я. Бояршинова (1960, с. 55) упоминала Кельчикор – укрепленный пункт по Казыму (иное название городка Кельчиларского?). О нём же (Кельчикор) имеются сведения у С.В. Бахрушина (1955б).

Тор

Причерноморье. Несомненно, Каяловым была известна на причерноморской родине и р. Тор, правый приток Северского Донца, образующийся в результате слияния рр. Кривой Торец, Сухой Торец и Казённый Торец. Этимология топонима Тор нам не известна.

Сибирь. Каяловы переименовали р. Чижапка (приток Васюгана в Томской области) в р. Тор. Со слов А. Каялова, «*это хорошая, богатая река. Остяки называют ей Чижапкой, а мы называем река Тор*» (Пелих Г.И., 1995, с. 76). По данным Г.И. Пелих, в Томском архиве имеется документ от 1892 г., в котором упоминается р. Тор-Чижапка.

Как-то исторически сложилась запутанная ситуация с гидронимами Назым и Казым, правых притоков Оби. Река с современным названием Казым именовалась Назым и наоборот, река с современным названием Назым (впадает в Обь около с. Самарово) носила название Казым(ка). Вопрос этот подробно рассмотрен нами выше (см. раздел «Локализация сибирской Луко-

¹ Ныне река носит название Кильчень

мории»). Поиск топонимических тёзок в Причерноморье завершился некоторым положительным результатом.

Козинка – Казым

Причерноморье. В «Книге Большому чертежу» упоминается (с. 18), что «... от Волчьих вод и от Разромного колодезя на левой стороне Изюмской дороги речка Козинка, а пала в Оскол ниже Валуйки-города». В Белгородской области в левобережье р. Оскол имеется город Валуйки, от которого примерно в 30 км к западу, но на другой стороне р. Оскол, находится населённый пункт Казинка.

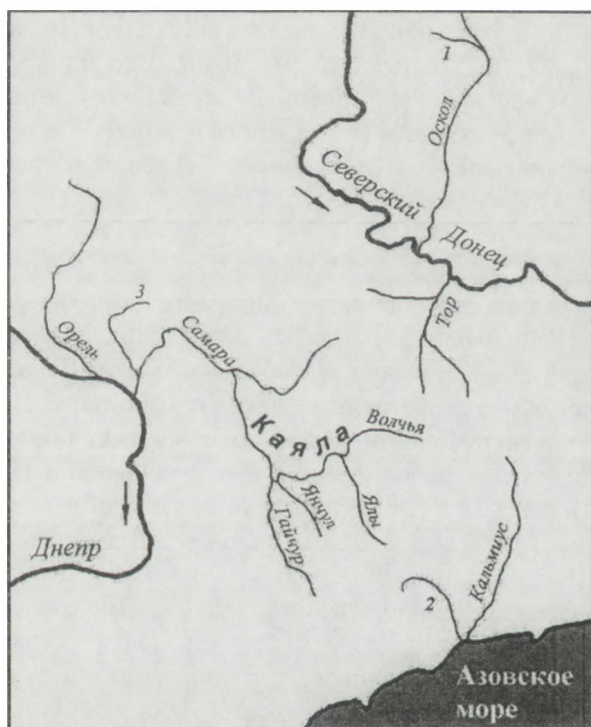

Рис. 15. Речная сеть между Доном и Днепром

1 — Казинка, 2 — Кальчик; 3 — Кильчень;

Думается, название этот населённый пункт получил от реки. Поскольку Изюмский шлях проходил в правобережье Оскола, то и река Козинка, упомянутая в «Книге Большому чертежу», впадала в Оскол справа. Возможно, р. Козинка и ныне сохранила старое название, но в форме Казинка.

А не являются ли имена причерноморской Козинки (Казинки) и сибирских рек, например Коссин–Казым, родственными?

Сибирь. Имена лукоморских рек Коссин (совр. Казым) и Касима (совр. Назым/Казым/Мозым) не этимологизированы, их языковая принадлежность не выяснена. Кроме этих рек, в верховьях р. Демьянки известны её притоки Казым, Бол. Казым.

Довольно многочисленные западносибирские (и севернопредуральские) гидронимы на *-им*, *-ым* (Катым, Атлым, Казым, Надым и др.) не нашли надёжной языковой привязки. А.К. Матвеев (1962) считал их наследием дофинноугорского населения. Известны точки зрения о древнеугорском, финноугорском происхождении такого рода топонимов (Б.А. Серебренников) или самодийском (Надым из нен. Надыям ‘богатое, обильное озеро’).

* * *

В этом разделе автор обратил внимание на любые, с разной степенью убедительности, факты совпадения онимов (имён собственных) Причерноморья и северной части Западной Сибири. Не все имена собственные находят себе пару. Например, многочисленные в Сибири имена собственные, образованные от фамилии Каяловых, не имеют себе параллелей в Причерноморье. Не известны в Причерноморье онимы, образованные от корня *паджо* (*паджа*). Однако немало сходных онимов образованы от корней *самар*, *кельчик*, *цинг*. Возможно, не все примеры, приведённые выше, действительно имеют сибирско-причерноморские связи, но в целом ономастическая картина хорошо согласуется с парадигмой, предложенной Галиной Ивановной Пелих – в доермаковское время на севере Западной Сибири выходцы из-за Дона создали первую колонию с постоянным пребыванием русского населения и занятиями, сообразными с природными условиями тех мест.

3. САМАРЫ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Воспоминания сибирских Каяловых о тёплых степях на их исходной территории вполне соответствуют действительности, как по современным данным, так и по реконструкции природных условий прошлого времени. Если исходить из расчёта миграции Каяловых в Сибирь в середине – конце XIV в., то климат Причерноморья в это время, накануне Малой ледниковой эпохи был достаточно тёплым, хотя в некоторые годы отличался суровостью, как это обычно бывает в переходное время от тепла к холоду. Не только свободные земли, но и мягкий климат Причерноморья привлекал выходцев из северных земель Восточной Европы. Именно в Причерноморье зародилось казачество, как особое «общество», которое также сыграло важную роль в колонизации Сибири.

Слово *казак* известно на Руси с 1395 г. Так назывался наёмный (вольный, не крепостной) работник. В 1444 г., во времена Василия Тёмного, упомянуты казаки Рязанские – особенное лёгкое воинство. Позже казак – это человек из беглых крепостных крестьян, переселившийся на окраины Московского государства. В таком качестве казаки засвидетельствованы впервые в документе от 1481 г. (Василенко Н., 1898). Известно (Список..., 1863), что русская колонизация Приднепровья в районе порогов началась в конце XV в., когда здесь возникло казачье братство («товариство»). В Причерноморье Каяловы поселились ранее запорожских казаков лет за 100, то есть в конце XIV в., возможно, раньше. Сведения о половцах, некогда владевшими причерноморскими степями, прекращаются с XIII в. Следовательно, не только Каяловы, но и ранние казаки не имели о них чёткого представления, не говоря о какой-то связи, преемственности. После нашествия Батыя власть русских князей на юге ослабла, причерноморские степи подпали под власть Литвы, а когда Лит-

ва по люблинской унии (1569 г.) соединилась с Польшей, то под власть Польши (Василенко Н., 1898, с. 492).

Рис. 16. Дикое Поле и расселение кабардинцев (Cabarda) в Южной России (фрагмент карты Исаака Массы, 1633 г.)

В Причерноморье половецкие земли были буфером между русскими княжествами и татарским Крымом. Сюда же, в Дикое поле, стекались русские люди, которые по каким-то причинам покинули родину. Дикое поле было полно неожиданностями, поэтому люди вооружались, а поскольку нескольким вооружённым людям легче противостоять неожиданностям, они собирались в ватаги. Поскольку ватаги не занимались хлебопашеством либо скотоводством и не имели постоянного места жительства, основным занятием их было бродяжничество, грабежи и разбой. В те времена таких людей называли бродниками (рис. 17). Еще при русских князьях бродники, или вольные люди занимали степные просторы Причерноморья от Дона до Дуная. Это был прообраз казаков. Сие слово (казаки), как писали ранние исследе-

дователи казачества, татарское и означает человека, у которого нет семьи или который не имеет постоянного жилища.

Однако Игорь Аверин (1997) даёт иную характеристику бродников, этих тружеников Дикого Поля. Последние были славянами (русскими), жили они в пределах Галицкой Руси, в низовьях Дуная, где занимались рыбной ловлей и речным пиратством (XII и XIII вв.). Позднее были расселены на территориях современной западной Румынии, Венгрии, Словакии. Не являются ли их потомками русины, которые ныне известны в Западной Украине, Венгрии, Румынии?

В Причерноморье помимо бродников были и иные категории населения. Несомненно, были коневоды, поскольку надобность в конях, особенно верховых, была велика. В легендах сибирских Каяловых сохранилась память о голубых «бахмутах», которые обладали прекрасными беговыми качествами и выносливостью. Оседлые крестьяне занимались и земледелием, чему благоприятствовало обилие плодородных почв. Хорошо была поставлена торговля. В частности, известно свидетельство очевидца Юлия Помпония Лэта (1425–1498) о торговле в устье Дона сибирскими (*sibiriscum*) мехами (Алексеев М.П., 1932, с. 245). Да и сами Каяловы говорили, что в Сибирь они шли по торговым дорогам.

Казачество на южнорусских землях возникло при литовских князьях. Первое упоминание о казаках относится к концу XV в. В хронике Бельского (1481 г.), упоминается, что во время походов поляков против татар проводниками были казаки.

Исходя из этого, нам импонирует версия происхождения казачества, высказанная М.Н. Каманиным в работе «К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого» (публикация 1894 г., Ки-

Рис. 17. Бродник XVII в.

ев). По его мнению, казачество – это *«исконное землевладельческое и земледельческое туземное южно-русское население, создающее свою национальную особенность и преданное своей вере, которое, признав сначала добровольно власть татар, а потом, перейдя под владычество Литвы, при вторжении в его жизнь чуждых шляхетско-католических начал стало стремиться к обособлению, к выработке собственных форм; но вследствие сильной центральной власти, соединённого польско-турецкого давления извне, постоянных смут внутри, оно вынуждено было развиваться лишь в многосторонней, обессиливавшей его борьбе, которая и составляет отличительную черту казацкой истории»* (Василенко Н., 1898, с. 493).

После разгрома крымским ханом Менгли-Гиреем (конец XV в.) южная Украина обезлюдела, и охрана южных рубежей польско-литовской унии ослабла. Для защиты границ стали раздавать «службы» (200 десятин земли) любому человеку нешляхетского происхождения, который обязался бы за это нести военную службу по защите границ. Так сформировалось казачество в его типичном полувоенном виде.

Запорожские (малороссийские, или черкасские) казаки обосновались на территории, подвластной Великому княжеству Литовскому, донские – на территории, подвластной Золотой Орде (Василенко Н., 1898, с. 493; Морозова З.В., 2002). Но и те, и другие славились воинскими «доблестями» на ниве разбоев и грабежей. Наверное, в этом донские казаки преуспели. Они грабили купеческие караваны, в том числе и русских купцов, совершали набеги на русские сёла и станы кочевников. Но и сами становились жертвами ответных набегов.

Не улучшилась дисциплина среди казачьего войска и после того, как его поставили под контроль князя Д.Т. Трубецкого. Казаки пытались использовать смуту в начале 1600-х гг., поддерживая польского самозванца и своего «лидера» Трубецкого. М.П. Загоскин (1991) так описывал действия казаков в Москве в 1612 г.: *«...на бывшей стрелецкой слободе, где нынче Замоскворечье... стояли дружины князя Трубецкого, составленные большей частью из буйных казаков, пришедших к Москве не для защиты отечества, но для грабежа и добычи»*. Очевидец писал ещё резче: *«Многое разорение христианином творяху и убийства и грабежи везде содеваху, кто может изрече злое,*

то насилие их, и сия беда последняя бысть горше первыя (нашествия поляков. – А.М.), а смирить и унять их невозможно, собрася бо казаков сих множество, и бысть мятеж сей и насилие на всей земле» (там же, сноска на с. 236).

Г.Ф. Миллер (1750, с. 91) так отзывался об их «подвигах»: *«Донские казаки, которые тогда имели много лишней вольности, не устыдились не токмо в собственных своих жилищах на реке Дону, но и на Волге и на Каспийском море чинить грабежи и разбои. Они не были довольны тем, что такие пакости над купечеством чинили, но безрассудной своей дерзостью так осмелились, что уже и чужестранных послов, а притом и Его царского величества грабили и разбивали... От рождества Христова в 1577 году октября 1 числа послано знатное число войска против сих разбойников, под предводительством стольника Ивана Мурашкина, который весьма строго поступил, и всех, коих не поимал, по учинённому довольному розыску казнил смертию, токмо многие спасли живот свой бегством. Между сими убежавшими был атаман Ермак Тимофеев со товарищи». Ермак и его сподвижники за свои злодеяния были заочно приговорены к смертной казни. М. Кривошапкин (1863, с. 44) писал о Ермаке: «Ещё не диво, что бесстрашный Ермак грянул неожиданно на Сибирь с горстью храбрецов: он чем-нибудь хотел загладить свои вины и вымолить у царя право носить ещё на плечах голову, уже обречённую может быть на кол».*

Начало русской колонизации Сибири связано с именем донского казачьего атамана Ермака. Иногда ошибочно это имя сводят к кличке ермак 'артельный котёл'. В действительности же это обычное уменьшительное имя, образованное от полного имени Ермилий (не Ермолай, как предполагает Р. Скрынников, тогда уменьшительное имя было бы Ермолка). В песнях, собранных среди сибиряков, прямо говорится: *«атаманом быть Ермилу Тимофеевичу»* (Буцинский П.И., 1889, с. 1). В те времена в Красноярском остроге был свой Ермак, а в Енисейске в 1640 г. жил целовальник Ермак Алексеев (Открытия., 1951, с. 98). Любопытно, что и среди местного населения Березовского края был свой Ермак – Ермак Мамруков, национальный герой восставших остяков, с которыми жестоко расправился березов-

ский воевода Давыдов в 1663 г. (Бахрушин С.В., 19556; Файзрахманов Г.Л., 2003).

Среди легенд о родословной Ермака наиболее любопытная зафиксирована в летописном памятнике «Сказание земли Сибирской» (Мухин В.В., 1957, с. 6): *«Дед его был суздалец посадский человек ... именем его звали Афанасий Григорьевич сын Аленин, и тут воспита двух сыновей ... а дети его Родион и Тимофей от скудости сошли в реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породил детей: у Родиона два сына Дмитрий да Лука, Тимофея дети Гаврило, да Фрол, да Василей. И оной Василей ... ходил у Строгановых на стругах в работе ... и от той работы принял смелости и, прибрав себе дружину малую пошёл от работы на разбой, и от них звашися атаманом, прозван Ермаком»*.

Однако историки сомневаются в прежнем знакомстве Ермака со Строгановыми, как и участия его в Ливонской войне. Как писал Р.Г. Скрынников (1982, с. 5), *«Возможно в Строгановских вотчинах и жил разбойник Василий Аленин, но к Ермаку Тимофеевичу – историческому Ермаку – он не имел никакого отношения»*.

Согласно Кунгурской летописи, Ермак носил фамилию Пвольский (Андриевич В.К., 1889, ч. 2, с. 8).

П.И. Буцинский (1889, с. 2) нашёл в Сибирском приказе документ с признанием казака Ильина, соратника Ермака, о том, что до похода в Сибирь он лет двадцать казаковал с Ермаком в Поле. По давнему высказыванию С.В. Бахрушина, обстоятельства похода Ермака – самые сложные и самые запутанные во всей истории Сибири. Даже дата смерти предводителя остаётся спорной. По одним данным, Ермак погиб в ночь с 6 на 7 августа 1585 г. (Магидович И.П., Магидович В.И., 1983; Скрынников Р., 2008), по другим данным, Иван Мансуров уже в 1584 г. не застал русских на Иртыше – после гибели Ермака они с Иваном Глуховым ушли на Русь (Огородников Вл. И., 1924).

Имеется три версии обстоятельств похода дружины Ермака в Сибирь (Огородников Вл.И., 1924).

Первая версия, основанная на Строгановской летописи, предполагает, что, желая завладеть землями по Туре, Тавде и Тоболу, пожалованными царём в 1574 г., Строгановы сами пригласили на службу волжских казаков-разбойников. Они же сна-

рядили и помогли людьми (С.М. Соловьёв, Л.Н. Майков, Е. Замысловский, С.В. Бахрушин).

Ермак (Ермилий) Тимофеевич по представлениям
разных художников (род. между 1532–1542 гг., погиб 6 августа 1585 г.)

Вторая версия, основанная на летописи Семёна Ремезова,
гласит, что казаки сами задумали и выполнили эту экспедицию.

Строгановы невольно помогли казакам в этой затее из-за страха перед большой (540 чел.) шайкой Ермака. Они просто хотели поскорее выпроводить этих разбойников из своих владений. Они вынуждены были снабдить казаков всем необходимым. А может быть, и подсказали, куда им идти за лёгкой добычей. (Г.Ф. Миллер, Н.М. Карамзин, П.А. Словцов, Д.И. Иловайский). *«Три купца и беглый атаман волжских разбойников дерзнули, без царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь...»* (Карамзин Н.М., 1990, с. 246).

Третья версия основана на летописи Саввы Ипатова. Суть версии – Строгановы не принимали ни прямого, ни косвенного участия в завоевании Сибири Ермаком. Поэтому вся честь и слава в этом деле принадлежит исключительно казацкой вольнице (М.П. Погодин, П.И. Небольсин, А.В. Адрианов).

Вл.И. Огородников считал первую версию более предпочтительной. Ход его мыслей был следующим.

Царь пожаловал Строгановым земли за Уралом, но Строгановы боялись столкновения с Кучумом. Поэтому в 1579 г. они пригласили к себе на помощь волжских казаков-разбойников. В это время пельмский князь Кихек, узнав, якобы, о походе казаков за Урал, с отрядом в 700 чел. напал на Пермскую область и произвёл там сильное опустошение. Местное население отказалось вносить ясак в царскую казну. Царь 16 ноября 1582 г. послал Строгановым гневную грамоту, обвиняя их в том, что *«послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков с товарищи воевать вотяки и вогуличей и Пермские и Сибирские места»*. Но в нужном месте и в подходящее время оказался Ермак с дружиной... Похоже, Строгановы и Ермак поняли друг друга.

Ермак, убоявшись царского наказания за свои разбои на Каспийском море, в 1577 г. увёл с Дона 6–7 тыс. казаков (Георги И., 1799). Но отряд, который пошёл с Ермаком в сибирский поход состоял всего лишь из 540 казаков. Строгановы снабдили казаков оружием, припасами, придали своих людей – «вожей» (проводников) и толмачей (переводчиков). Столь малыми силами нельзя было завоевать и удержать в повиновении обширный край при враждебном отношении местного населения.

Еще при жизни Ермака, в 1583 г., на помощь ему из Москвы был выслан отряд из 500 казаков под командой князя

С. Болховского и головы Ив. Глухова. Строгановы должны были выделить ещё 50 конных казаков и предоставить 15 стругов. Только в конце 1583 г. отряд прибыл в г. Сибирь, где ещё находились осиротевшие казаки Ермака. Они испытывали большую нужду в продовольствии, которая обострилась с приходом отряда Болховского. Строгановская летопись сообщала: *«Бысть оскудение велие всяким запасам, и мнози от гладу изомроша, московскийи вои и казаки, и воевода князь С. Болховский тоже умре»*. Воевода Ив. Мансуров, посланный с сотней казаков на помощь «сибирякам» осенью 1584 г. уже никого из русских не застал. Они с Ив. Глуховым ушли на Русь северными дорогами, издавна проложенными промышленными людьми. Воевода Мансуров на высоком берегу Оби против устья Иртыша поставил деревянный городок. Этот Обский городок был первым русским укреплением в Сибири. Весной 1585 г. Мансуров вернулся на Русь.

Походы в Сибирь Ермака, Болховского и Мансурова (1581–1585 гг.) были пробными «уколами». Москва решила более основательно готовиться к колонизации Сибири. Реальное присоединение Сибири к Московскому государству началась в 1586 г. В этом году московские власти послали в Сибирь 300 человек под командованием Василия Сукина при «письменном голове» Даниле Чулкове. На берегу р. Тура 29 июня 1586 г. был заложен острог, позднее получивший татарское имя Тюменский. Тюменский острог, однако, так и не стал форпостом русской колонизации. Это место надолго занял Тобольск, в 1587 г. построенный Чулковым у впадения р. Тобол в Иртыш, когда из Москвы пришли ещё 500 служивых.

Были разные оценки похода Ермака. В советские годы Ермак, герой народных песен именовался не иначе как герой сибирской эпопеи, патриот, исключительной храбрости и воли, богатырь и талантливый военачальник, защитник родины (Колесников А.Д., 1983).

П.И. Небольсин (1850, с. 130) объяснял поступки сибирских «витязей», этих истинных страдальцев за веру, престол и отечество, по части мер, *«не всегда оправдываемым нравственностью и понятием о долге»*, обстоятельствами нужды, тяжкими лишениями и врождённым желанием хоть как-нибудь улучшить тяжёлую долю. П.Н. Буцинский (1893, с. 92) также не разделял

«...того мнения, что будто бы алчность к наживе вела русских всё далее и далее в Сибирь... Нет, помимо материальных интересов ими руководил необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания...». И действительно, тяжкая служба землепроходцев оплачивалась невысоко (Скалон В.Н., 1951, с. 11). Казак Семён Дежнёв за трудную службу в Сибири и на Чукотке в течение долгих 20 лет (1641–1660 гг.) не получал даже хлебного и денежного жалования, *«...и за эту его, Сенькину многую службу и за терпение пожаловал великий государь 126 рублёв 6 алтын 4 денги».* Только 289 пудов моржового зуба, доставленного Семёном Дежнёвым в Москву, стоили 17340 руб. серебром (Магидович И.П., Магидович В.И., 1983, с. 294).

События в Сибири стали развиваться по иному сценарию. Вместо защиты заводов Строгановых начался целенаправленный процесс колонизации Сибири. Московское правительство видело в казаках главную силу в присоединении Сибири, и со временем решило ограничить вольницу, взять под контроль, как формирование казачьих команд, так и их службу. Этим в XVII в. отличалось сибирское казачество от донского.

Н.М. Карамзин (1990, с. 248) писал о начальной фазе русского проникновения в Сибирь: *«Завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеванием Мексики и Перу: так же горсть людей, стреляя огнём, побеждала тысячи, вооружённые стрелами и копьями: северные моголы и татары не умели воспользоваться изобретением пороха и в конце XVI века действовали единственно оружием времён Чингисовых».*

Вот такими процессами было нарушен сложившийся веками образ жизни, как аборигенов, так и русского населения, мигрировавшее из Дикого поля в нижнее Прииртышье ещё в доермаковское время. Некоторые выходцы из-за Дона, избегая произвола властей, продвинулись на восток до Турухана.

4. САМАРЫ В СИБИРИ

Легенды Каяловых позволяют определить приблизительное время появления русских с р. Самары (самаров). По их данным, Каяловы пришли в Сибирь за 10 поколений до Ермака, то есть примерно в середине – конце XIV в., до возникновения в Запорожье казачьего братства (XV в.). Путь им проторили купцы как со стороны Югории, так и с южной стороны. В устье Дона шёл обильный торг сибирской пушниной. Правда, эти сведения относятся ко второй половине XV в. (Алексеев М.П., 1932). Но это не исключает и более ранние связи Сибири с Причерноморьем, что нашло отражение в участии жителей Причерноморья в формировании ранней русской топонимии Сибири. Следы этого участия свежи и поныне.

Природные условия новых мест обитания, естественно, были иными, нежели на их прежней Родине. Вместо обширных земель, пригодных для скотоводства и земледелия, в низовье Иртыша переселенцы встретили заболоченные и залесённые низины, короткое и прохладное лето и долгие многоснежные зимы. Если отнести переход самаров на Иртыш к середине XIV в., то можно считать, что русским колонистам ещё повезло: это было относительно тёплое время со слабоморозными зимами. Однако более поздняя русская колонизация Сибири совпадает с самым холодным отрезком II тысячелетия – Малой ледниковой эпохой 1550–1850 гг.

В это эпоху резко осложнилось северное мореходство вследствие незначительной продолжительности свободной воды. Возросла длительность холодного периода за счёт сокращения весеннего. Резко усилились морозы. Осень наступала раньше, чем ныне. Летом нередко были снегопады и заморозки. Если послеермаковская колонизация осуществлялась в основном вы-

ходцами из северных территорий Руси, которые мало отличались от природных условий Сибири, то выходцам из тёплых степей она (Сибирь) могла показаться очень негостеприимной. Особенно, если эти южане пришли в самый пик первого значительного похолодания первой половины XV в. (рис. 18).

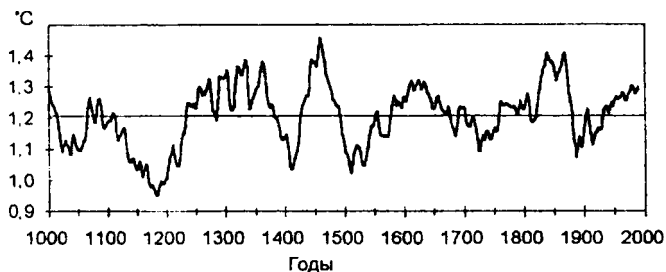

Рис. 18. Динамика погодичной изменчивости реконструированных температур воздуха, выраженная в изменениях стандартного отклонения за 50-летний период; Полярный Урал (по: Шиятов С.Г. и др., 2002)

О быте и занятиях основателей русской колонии Лукомория можно говорить только предположительно.

Остаётся не выясненным вопрос и о языке Каяловых. Если это были русские люди, то почему Брязга ни при взятии Цингалинских юрт, ни при нападении на Самара (1583 г.) не слышал русского слова? Может быть, как пишет Г.Ф. Миллер, в Цингалинских юртах выстрелами из мелкого ружья остяки были рассеяны *«так, что не токмо до Цынгалинских юрт, но и до другого от остяков обитаемого местечка, которое в летописях Нарымским городком называется, без всякого дальнего препятствия дойти могли»* (с. 159). И далее: *«В обоих помянутых местах, а именно в Цынгалинских юртах и в Нарымском городке не нашли казаки никого, кроме жён и детей тех остяков, которые ... на них учинили нападение»* (с. 160). При нападении на спящего Самара также было проведено побоище, от которого никого в живых не осталось. Или следует сослаться на слова Г.И. Пелих (с. 69) о том, что все цингалы перестали воровать, помирились и породнились с остяками и сами «обостячились».

Обратимся к личным именам. Имя Самара могло действительно происходить из клички (этнонима) выходцев с р. Самара. Но дети Самара – Таир и Байболак – имеют явно не христиан-

ские и не славянские имена. Первое имя очень похоже на араб. *тахир* 'незапятнанный' (по мусульманской традиции, имя сына Мухаммеда). Второе имя связано с тюркским миром. Если же обратиться к именам Каяловых (конец XVII в.) – Томилко Каялов и его сын Саитымко Томилов, то первое (Томилко) может быть принято за славянское языческое. Известно, что в Новгороде тысячу лет назад в записных кабальных книгах был зафиксирован «*Маковейко Петров сын Дыльского, а прозвище Томилко...*» (Мирославская А.Н., 1973, с. 66). Томило, Томила – это древнерусское нецерковное имя, образованное от глагола *томити* 'томить, мучить' (Федосюк Юрий, 1996, с. 223).

Имя Саитымко, возможно, является тюркским.

Г.Ф. Миллер (1750) писал, что в давние времена на Иртыше жил остяцкий князец (с русским именем. – А.М.) Кошель, в память о котором осталось городище Кошельваш, по-русски Кошелево городище (Миллер Г.Ф., 1996, с. 274). Кошелевские юрты зафиксированы переписью 1897 г. В них было пять хозяйств, обитало двое русских и 24 остяка. Не выбился ли русский переселенец с кликухой Кошель в князцы остяцкие? Очевидно, это нынешнее с. Кошелево, которое стоит на берегу Иртыша между Тобольском и устьем Демьянки.

Г.Ф. Миллер также упоминает князца Бояра с р. Демьянка, который также имел явно русское имя. По сведениям Гр. Новицкого (1941¹) князец Бояр, «*под область Московских государей приведе всю свою обладающую страну...*» (с. 35). Следовательно, Бояр носил это имя до подчинения (и крещения). Да и при крещении вряд ли он мог получить не каноническое (не христианское) имя. С.А. Белобородов (1997) считал, что Бояр был союзником Ермака.

Сложнее обстоит решение вопроса о происхождении названия р. Демьянка. Остяки (ханты) произносят это название как *Nimnjan* (Нимнюан, по С.В. Бахрушину, 19556, с. 113), что позволило Г.Ф. Миллеру (1996, с. 273) считать его изначальным остяцким, от которого русскими был создан гидроним Демьянка. Отметим, что в хантыйском языке вообще нет начальной фонемы *д*. Поэтому изначальным названием реки Демьянка было русское, образованное от русского имени Демьян, которое хан-

¹Первое издание в 1883 г., написание – в 1715 г.

ты адаптировали как Нимьян. В языке хантов нет фонемы *д*, поэтому правильно произнести имя Демьян они не могли.

Князец Роман оставил память о себе в виде одноимённой остячкой (!) деревни, которая находится в 30 верстах ниже Демьянского (на левом берегу Иртыша). На листе 2 Чертёжной книги С.У. Ремезова (1701 г.) на левом берегу Иртыша между нас. п. Шингалины (совр. Цингалы) и дер. Грачёвой показан нас. п. Романовы. По переписи 1897 г. отмечены Романовские юрты при Иртыше (Верхнедемьянская инородческая волость), в которых было три семьи остяков (8 муж., 9 жен.).

Интересен рассказ Г.Ф. Миллера об идоле остяков с р. Демьянка, где власть держал князец Бояр. Якобы демьянские остяки имеют золотого идола, вывезенного из России, где он почитался под именем Христа. Идол сидит в чаше, в которую наливают воду, а вокруг идола жгли в особых чашах сало и серу. Остяки гадали – сдаваться или не сдаваться казакам. Было принято решение сдаваться, что князец Бояр и сделал. В этом рассказе, на наш взгляд, нет ничего вымышленного. Если русские пришли из православной Руси, то не удивительно, что они сохранили и символ веры – иконы. На Руси около иконы всегда в лампаде горел огонь. Этот обычай был сохранён и на чужбине. Христиане всегда обращались к Господу с молитвами о помощи, что преломилось в новой (остячкой) среде в гадание. Поскольку на Демьянке долгое время были известны Цингалинские юрты (Цингалинское городище), возможно, князец Бояр изначально-родом был из среды цынгалов (цынган), более ранних, нежели Каяловы, мигрантов кавказского племени. Но и кавказцы-цынги (адыги, черкесы и др.) были христианами и могли сохранить основы христианских обрядов. Русское имя Бояр князец мог получить в результате обрусения – под влиянием пришлого русского населения (Каяловы и др.).

Два сына Бояра имели нерусские имена -- Оксеит и Кармышак, но внук Бояра – Семейка² Кармышаков – назван христианским именем Семён (греч. Symeon из др.-евр. šim ḇn «(бог) слышащий»).

² Не его ли именем названо с. Семейка на Иртыше в 10 км ниже с. Цингалы? По переписи 1897 г. в юртах Семейских проживали 16 человек, в их числе одна русская женщина.

Бояр³, Роман, Демьян – это русские имена, которые носили князьцы ещё до прихода казаков Ермака. Известно, что «верхушка» местных жителей Пелымского княжества приняла христианство (хотя бы только формально) и получила церковные имена ещё до прихода Ермака. Объясняется это сильным русским влиянием со стороны Новгорода, который хоть номинально, но владел этими зауральскими землями. По Иртышу и нижней Оби христианство пустило корни сразу же в послеермаковское время, когда упрочилась власть московского царя. Но христианство распространилось только в семье князя Алача. У Игечея, сына Алачи, носили христианские (церковные) имена внук Михаил, правнук Дмитрий. Обдорский князец принял крещение и получил имя Василий (в 1607 или 1608 г. был казнен за участие в остяцком восстании). С.В. Бахрушин (1955б, с. 129) сообщал, что из 600 мужчин в 1628 г. крещено было только 10.

Каяловы, как явствует из их преданий, основались первоначально на Иртыше недалеко от *цынгал* и, очевидно, от современного с. Цингалы. Одну из протоков Иртыша они называли Байбалакой, в память о реке своей прежней родины. В заёмном документе от лета 7195, октября 13 дня (13 октября 1686 г.) упоминается Томилко Каялов, остяк Белогорской волости (Лопарев Хр., 1896, с. 159). Упоминается он в таком же документе от лета 7195, февраля 2 дня (2 февраля 1687 г.) как свидетель («сторонной остяк»).

Несколько позже, 30 июня 1692 г., «...*ясашные остяки Белогорской волости Байбалакинских юрт Томилко Каялов с товарищи поступились за свой долг за двадцать рублей в век без выкупу ему же Микитке (Шаламову. – А.М.) вотчинной земли своей от Самаровского яму вверх по Иртышу реке выше Тимошкиных юрт⁴, а ниже Базьяновых...*» (Там же, с. 167). Следовательно, угодыя Каяловых «с *товарищи*» занимали низовье Иртыша от его устья далее юрт Тимошкиных, но не доходя до юрт Базьяновых⁵. Ещё дважды в этом документе упоминается Томилко Каялов и единожды, очевидно, его сын – Саитымко Томилов.

³ Бояр имел сына с русским именем Семейка (Семён). С. Патканов (1911, с. 14) отмечал Семейские юрты на Иртыше, рядом с Цингалинскими.

⁴ Упоминаются Г.Ф. Миллером в записях 1740 г. (Миллер Г.Ф., 1996, с. 265).

⁵ Основана зырянами.

Следовательно, Байбалакинские юрты стояли на Иртыше недалеко от Самарово. Байбалаковская протока под этим именем была известна и в конце XIX в.: в документе от 1865 г. жители юрт просили *«самаровцам воспретить, чтобы они в Байбалаковской протоке близ устья реки Иртыша запоров для добычи весной рыбы не делали...»* (Там же, с. 205).

Эта переписка свидетельствует о том, что Каяловы, русские или остяки, занимались рыболовством.

Г.И. Пелих была уверена, что самары в Сибири разводили лошадей необыкновенной породы – голубых бахматов.

Но наступили тяжёлые времена. Обозлённое произволом властей «остячьё» стало всех грабить. Не уступали им и казаки. Старая власть (остяцких князьков) была разрушена, а новая (русского царя) не установилась. *«Честному народу житья не стало»*. Так Галине Ивановне передавали информанты из Каяловых. Положение в Сибири стало определяться казачьим стилем бытия, отработанным ещё в донской вольнице.

Приведём оценки ранней деятельности казаков в Сибири.

В 1889 г. вышли три работы, в которых даётся нелестная характеристика казакам-первопроходцам. *«Страшным ураганом пронеслись смелые казаки по владениям остяков и татар, много пролили крови, разграбили много инородческих юрт, а самое главное – победили и прогнали с юрта «вольного человека Кучума Царя»* (Буцинский П.И., 1889, с. 111).

В том же году этот беспредел объяснял В.К. Андриевич: сибирский служилый люд пополнялся всяким сбродом, гулящими людьми, промышленниками и потому решительно не умел подчиняться начальству в силу долга служебного. Подчинялись во время опасности, но раз она миновала, служилые становились вольницей, делавшей, что ей желательно.

П.И. Головачёв (1889, с. 11) гневно писал: *«Первыми колонизаторами Сибири и первыми вносителями в неё “русской идеи” и “русской культуры” были, как известно, гулящие русские люди конца XVI в., казацкая вольница, всякий сброд, люди, частью озлоблённые на вся и всех за свою незадавшуюся жизнь, частью развращённые, отрекшиеся от всяких принципов даже тогдашней узкой морали, полюбившие убийство, разбой и грабёж как средство для проявления своей удачи, безобразных кутежей и всяких грубых наслаждений... русские Колумбы ... переносили*

всё это на девственную почву Сибири, где нашли для проявления своих диких и хищнических инстинктов полный простор и множество поводов: с одной стороны, целые массы беззащитных и добродушных инородцев ... годной только для эксплуатации и кабалы, с другой – всё это, что считалось роскошным и изящным в старинной Руси ... и XVII век, который кровавыми буквами должен быть записан в Сибирской истории, прошёл в походах для объясачивания инородцев и подведения их “под Высокую государеву руку”».

И проявился этот беспредел ещё на подступах к Сибири, на западной стороне Урала, где казаки вынуждены были провести зиму 1578/79 гг. Ермак зимой «посылал ... против вогул отдельными отрядами 300 человек казаков, которые вернулись с богатой добычей» (Миллер Г.Ф., 1999, с. 211). Можно только догадываться, каким способом донские казаки брали эту добычу у безоружных аборигенов.

5. ИДЕНТИФИКАЦИЯ р. КАЯЛА (сибирские Каяловы и «Слово о полку Игореве»)

Рек с названиями Каялы на территории России несколько и все они расположены на тюркоязычной территории Южного Урала (Попов А.И., 1969). Однако в Причерноморье ныне рек с точно таким названием нет. И вообще, несмотря на длительное пребывание и явное численное преобладание в прошлом половцев тюркских топонимов в Причерноморье сохранилось немного. В частности, И.В. Муромцев (Муромців І.В., 1966) указал здесь лишь на два тюркских топонима, один из которых – это р. Каяла с неизвестной локализацией. А.И. Попов объясняет малое число половецких топонимов в Причерноморье монгольским нашествием через полвека после похода Игоря: «...оно смело с карты множество названий мелких географических объектов» (с. 182). Ниже устья р. Ялы в Волчью впадает р. Янчул, название которой имеет явно тюркское происхождение со значением ‘большая река’, Однако из кыпчакского (куманского) языка этот топоним не выводится. Очевидно, он имеет тюркютское (огузское) происхождение и связан с торками, узами, берендеями.

Вот уже 200 лет вызывает у специалистов различного профиля неиссякаемый интерес русское эпическое произведение, созданное в 1187 г., – «Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия», как было оно представлено в первом издании 1800 г. (рис.19). Историки, филологи, лингвисты, географы, художники, поэты и писатели, театральные деятели, композиторы были увлечены сюжетами «Слова...», и их произведения были достойны значимости самого эпоса.

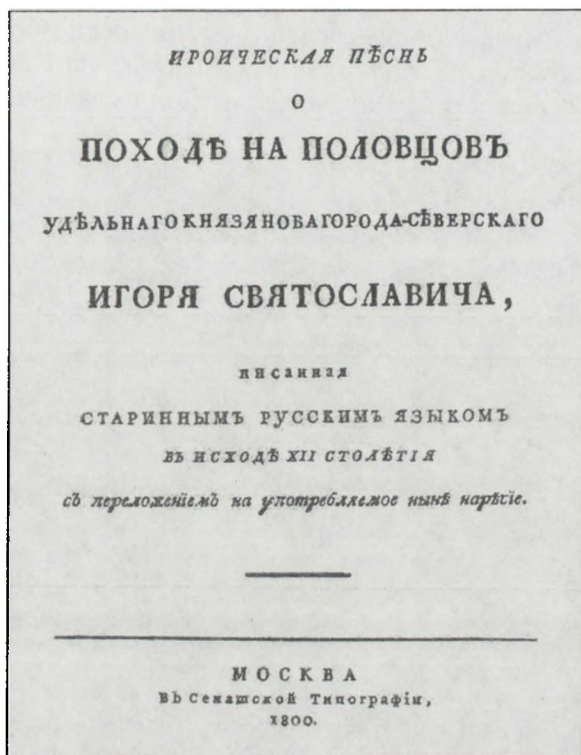

Рис.19. Титульный лист первого издания «Слова...»

Но до сих пор не решен вопрос об идентификации р. Каяла. Нет ни одного иного источника, в котором было бы указано положение этой реки. Да и упоминается Каяла лишь в трёх источниках: в самом «Слове...» (шесть раз). По одому разу в Ипатьевской летописи («Наведе на ня Господь гнев свои, в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю на реце Каялы») и в «Задонщине»¹: «Те бо на реке Каяле одолеша род Афетов»). Правда, А.И. Попов (1967) убедительно показал, что второе упоминание в «Слове...» является опи-

¹ Написана вскоре после битвы на Куликовом поле (примерно, в 80-х гг. XIV в.).

ской (при переписке в XVIII в.). Во фразе «С тоя же Каялы Святополк повелел отца своего междю угорьскими иноходцы ко святой Софии к Киеву» следует название реки читать *Канина*. Это река около Чернигова, где в 1078 г. на Нежатиной ниве в сражении погибли Борис и Изяслав Ярославичи.

Рис. 20. Битва с половцами. Гравюра на дереве В.А. Фаворского, 1950 г.

Многочисленные попытки идентифицировать р. Каяла с известными ныне реками не увенчались успехом. Была даже высказана версия, что такой реки вообще не было, а для автора «Слова...» это был символ сожаления и покаяния (обзор: Фёдоров В.Г., 1956; Гетманец М.Ф., 1982), а попытку обнаружить

реку, называвшуюся в XII в. Каялой – это напрасный труд, так как реальной реки с таким названием не было (Энциклопедия «Слова,,,», с. 32).

Против этой версии, высказанной ещё в прошлом веке, выступил А.И. Попов (1969): «... *нет никакой возможности производить чисто куманское название половецкой реки Каялы ('скалистая') от древнерусского слова **каяти***».

В разное время разные исследователи высказывались по поводу этой проблемы, но к единому мнению так и не пришли. Вот некоторые из них.

А.В. Лонгинов (1892) выдвинул самарский вариант, отнеся театр военных действий глубоко в Половецкую степь, к месту слияния рек Орилия (Сюурлий) и Волчьей (притоки Самары), а Каяла – это Мокрые Ялы близ верховья р. Кальчик. Б.А. Рыбаков (1958) поддержал эту версию, но позднее отказал в поддержке, считая, что такой реки (Каяла) вообще не было и что это символическая река печали и скорби. Ранее эту мысль о метафоричности, символичности топонима высказывали Н. Грамматин (1823 г.), П.Е. Ваденюк (1878 г.) и Е.В. Барсов (1889 г.). Подробнее об этом можно узнать в работах: Фёдоров В.Г., 1956; Попов А.И., 1969, с. 181; Энциклопедия «Слова...», т. 3, с. 32.

Н.В. Сибинов считал, что Каяла – это речка Каменка, которая протекает в нескольких километрах к западу от Славянска. Его в 1959 г. поддержал К.В. Кудряшов, но позже отказался и сам выдвинул иную идею: р. Каяла – это р. Каменка, протекающая в 4 км от Изюма.

А. Куза (1981) битву дружин князя Игоря с половцами «привязал» к местности между истоками рр. Самара и Волчья. В этом треугольнике и протекает историческая река Сюурли (см. карту в этой работе).

По В.Г. Фёдорову (1956), Каяла – это протока Кривель, соединявшая в то время приустьевые части рр. Орель и Орелька (левобережье Днепра), где и произошла битва дружин Игоря с половцами. Эта версия привлекательна тем, что русское слово *кривель* и тюркское **кый* (*кый+лы* → Каяла) обозначают кривизну (см. подробнее выше), что можно было бы принять за кальки. Однако сибирские Каяловы жили от р. Кальчик на

расстоянии одного конского бега (70–80 км), в то время как от Орельки до истоков Кальчика только по прямой 225 км.

Недавно к решению проблемы идентификации Каялы подключился луганский краевед В.А. Подов (2006, 2007). Он пришёл к убеждению, что р. Каяла – это исторически известная р. Калка. Это предположение базировалось на фонетическом сходстве гидронимов Каяла и Калка (по Книге Большому чертежу – Кала). Можно согласиться, что имена рр. Кальмиус, Калка (Кала), Кальчик и Калец (приток р. Кальчик) имеют единое происхождение, возможно, являясь географическим термином – **река*. Названия рр. Кальчик и Калец являются уменьшительными формами этот термина (ср. *мальчик* и *малец*). Сближение Каялы и Кала (Калка) нам представляется неудачным. К тому же Г.И. Пелих (1995) писала, что владения Каяловых распространялись на юг на расстоянии одного конского бега (75–80 км) до р. Кельчик (Кальчик. – *А.М.*). Поэтому показывать землю Каяловых в левобережье р. Кальчик неправильно, т.к. это предположение не согласуется с преданиями сибирских Каяловых. К северу от истоков р. Кальчик в 75–80 км лежит долина р. Волчьей.

Заслуживают внимания поиски Вл. Подовым не менее таинственной р. Сюрлий (Сюрлия), на которой произошла первая стычка воинства Игоря с половцами и которая находилась поблизости от Каялы. В Ипатьевской летописи это так описывается: *«Заутра же, пятьку наставшу, во обеднее время, устретоша полкы половецькие, бяхуть бо до нихдоспелевееже вои пустили за ся, а сами собравшееся от мала довелика, стояхуть на оной стороне реки Сюрлия... И яко быша к реце ко Сюрлию, и выехаша ис половецьких полков стрелцы и путившие по стреле на русь и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переехала еще реке Сюрлия, поскочиша же далече реки стояхуть»* (ПлДР, XII в. М., 1980, с. 352; цит. По: Энциклопедия «Слова о полку Игореве», т. 5. СПб., 1995).

По мнению Вл. Подова (2007, рис. 4), Сюрли – это р. Ызи вода (по архивной карте «Бахмутский дистрикт»), левый приток Волчьей в её верховьях (впадает выше р. Сухие Ялы). Ныне эта речка называется Осыковая (Осиновая; там же, с. 24). Нам представляется, что непонятное имя речки (Осыковая)

ближе стоит к исходной форме *ози* «речка» (ср. тюрк. *озен(ь) ~ узень ~ озёк* «речка, русло реки»). А компонент *вода* в гидрониме *Ози вода* – это дань польской традиции (ср. рр. Волчьи воды, Вороньи воды, Конские воды, Коровьи воды и др.). Положение р. Ози воды (Осыковая ~ Сюурлия) как одного из истоков Волчьей, не противоречит привязке имени р. Каяла к среднему течению р. Волчья.

Б.А. Лонгинов считал, что р. Сюурлия – это р. Орлия, приток Волчьей. Однако географическое положение этой реки нам не известно, поэтому идентификация реки с р. Сюурлия может восприниматься предположительно. Но связь гидронимов Сюурлия → Орлия вполне может оказаться реальной.

Этимология гидронима Сюурлия, как и *Ози* исходит из тюркского языка и может обозначать *слияние* (рек, вод). Но в языках сибирских тюрков имеются фонетически близкие слова: алт. *сүүрү* «пик (геогр.)», тув. *сууру* «сопка, пик горы». Возможно, река названа по холму, у подножья которого она протекает. В этом случае, окончание *-лия* – это искажённый аффикс обладания *лык/лыг*.

В Энциклопедии «Слова о полку Игореве» (т. 3) приведён полный список рек, с которыми в разное время разные авторы сопоставляли таинственную Каялу:

- Кагальник, приток Дона,
- приток р. Кагальник, впадающий в Таганрогский залив,
- Айдар, левый приток Северского Донца,
- Быстрая, левый приток Северского Донца,
- Калитва,
- Кальмиус или же его приток Кальчик (они же Калы в «Книге Большому чертежу»),
- Миус,
- Берда,
- Самбок,
- Казённый Торез,
- Макатиха,
- Каменка,
- Ложников овраг,
- Мокрые Ялы,
- Кривель,

- район р. Самара,
- овраг Скелеватый (там же),
- Орелька,
- Казинка,
- Халань, или Холка,
- Малая (Крайняя) Балаклея,
- Гнилица.

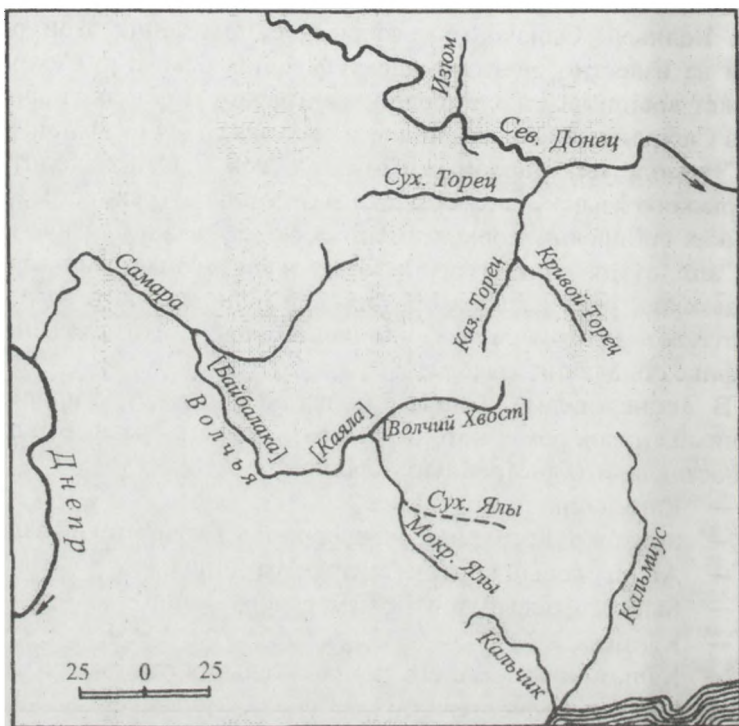

Рис. 21. Имена рек бассейна Самары

По нашему мнению, р. Каяла, от которой получили семейное имя сибирские Каяловы, — это нынешняя р. Волчья, левый приток Самары (рис. 21). Об этом свидетельствуют легенды Каяловых, записанные Г.И. Пелих и подтвержденные рядом ономастических сходжений (см. выше). Слева в Самару впадает р. Волчья (<Волчий Хвост?), которая в среднем течении имеет несколько крупных излучин. Судя по карте А. Погра-

бауса (1569 г.; см.: Кордт В., 1910, карта XXX), эта река в XVI в. носила название Волчья вода (в польском написании Wolcza woda). Можно допустить, опираясь на легенды Каяловых (см. выше), что нижнее течение Волчьей (в прошлом – Волчья вода) называлось Байбалакой. В 75 км к югу от Волчьей берёт начало р. Кальчик (в преданиях Каяловых – Кельчик), которая впадает в Азовское море вблизи устья р. Кальмиус. Таким образом, эволюция топонима происходила по следующей схеме: (Байбалака, Каяла, Волчий Хвост) → Волчьи воды → Волчья.

Где-то в среднем течении Волчьей-Каялы князь Игорь Северский потерпел поражение от половцев и был пленён. *«На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земли прострошася Половци, аки пардуже гнездо...»*, говорится в «Слове о полку Игореве».

Не удалось идентифицировать упоминавшуюся в легендах Каяловых речку Глинистую. В «Список населённых мест...» (1863) включена дер. Мирная на балке Глиняной в излучине Самары, западнее Павлограда. Но эта балка находится западнее, а не восточнее места пребывания Каяловых.

Известно также (Трубачев О.Н., 1968), что к северо-востоку от Азовского моря протекает река с иранским названием Дортоба 'горшечная река (вода)'. Поскольку горшки делают из глины, не называлась ли эта река во времена Каяловых Глиняной? Однако географическое положение реки как будто исключает такую идентификацию. Пребывание ираноязычных скифов в Причерноморье общеизвестно.

Тщательный просмотр списка населённых мест Екатеринославской² губернии с указанием рек, на которых они стоят, не дал надёжных результатов. Не было найдено ни одного населённого пункта или реки, звучание имени которых были бы близки названиям рек Каяла или Байбалака.

На современной карте родина Каяловых соответствует западной части Донецкого края (на границе Донецкой и Днепропетровской областей Украины), примерно у впадения в Волчью р. Ялы.

² В 1926 г. Екатеринослав переименован в Днепропетровск.

6. КТО ВЫ, ЧЕЛДОНЫ?

В недалёком прошлом в Сибири широко бытовало слово «челдоны» («чалдоны»), которым русские переселенцы в начале прошлого века именовали сибиряков-старожилов. В одних случаях понятие было чисто этнографическим и относилось к старожилам, в других же использовалось как уничижительное, оскорбительное и обозначало человека недалёкого, этакое недоумка, болвана. Сейчас это слово почти вышло из употребления, и его можно услышать только в глухих уголках Сибири. И вряд ли кто уже объяснит происхождение этого слова и укажет на время его появления. А оно, это слово, несомненно, отражает какой-то этап заселения Сибири и связано с какой-то группой выходцев из европейской части страны.

Этнографы и лингвисты давно заметили неоднородность культуры русского населения Сибири, которое именовалось чалдонами. В ней по разным признакам выделяется два слоя по материальной культуре, стилю и манере пения, выговору. Особенно чётко два слоя русских старожилов различают коренные жители Сибири. Выше мы уже писали, что селькупы первых пришельцев называли *паджо*: паджо тыманда – русский пришёл, *паджо-лака* – уважительное обращение к русскому. А казаков селькупы называли *касак*, *касыр-гула*... К паджо селькупы относились дружелюбно, к касыр-гула – враждебно.

Записанные в Сибири былины и обрядовые (свадебные) песни выявляют близость первых к древнерусскому фольклору. Особенно показательно, что в Сибири до наших дней сохранилось в песнях слово «комонь». Так когда-то на Руси назывался конь. А в Сибири даже в прошлом веке распевали:

*Тут стояли комони,
Все комони под коврами,
Один комонь не подкован.*

В «Слове о полку Игореве» (написано 1187 г.) *комони* упоминаются шесть раз и ни одного – *конь*. Но в другом древнерусском эпическом произведении «Задонщина» (написано в 1380-е гг.) 17 раз упоминаются *кони* и только дважды – *комонь*, то есть слово *комонь* уже стало исчезать из русского языка. А в «Сказании о Мамаевом побоище» (первая четверть XV в.) *конь* упоминается 17 раз и ни одного – *комонь*. К этому времени (начало 1400-х гг.) слово *комонь* уже вышло из употребления, и, естественно, казаки Ермака в 1583 г. не могли принести его в Сибирь. Таким образом, какие-то русские принесли в Сибирь это слово задолго до Ермака. Кто это был? Не первые ли выходцы из-за Дона, которые основали в низовьях Иртыша колонию Лукоморию? Русские пришли с реки Самары, где их звали самарами, или паджами. Среди них были Каяловы и Цынгаловы, потомки которых и ныне живут в Сибири. Ушли самары из-за Дона потому, что начались «страшенные войны».

По легендам Каяловых, они пришли в Сибирь за десять поколений (200–250 лет) до Ермака, то есть примерно во второй половине XIV в. В это время в Северном Причерноморье шли ожесточённые войны с половцами и татарами, а в 1380 г. произошла знаменитая Куликовская битва (Мамаево побоище). Первые русские (самары-паджа) установили добрые отношения с местным населением («жили душа в душу»), чем и объясняется уважительное отношение селькупов к русским паджо. Многие паджо вскоре «обостячились» и перешли на остяцкий (хантыйский в Прииртышье и селькупский в Нарымском Приобье) язык.

С приходом казаков всё изменилось. Как писала Галина Ивановна Пелих, исследовательница истории Каяловых, обозлённое казаками «остячье» стало всех грабить. Не уступали им и казаки, «честному народу житья не стало». Некоторые самары-паджо снялись с места и ушли на восток. Значительная часть их остановилась на Средней Оби у Нарыма, где известны протока и юрты Паджины, Паджинское плёсо на Оби, обская протока Байбалакова выше устья Тыма, юрты Куяльские, фамилии Каяловы и Цынгаловы. Другая часть ушла по Тыму на территорию нынешнего

Красноярского края (Туруханский район), где в середине прошлого века сохранилась память о каких-то Куялах, которых звали Иванами.

Не самары-паджо придумали кличку *челдон* (*чалдон*) и не они разнесли её по Сибири. В послеермаковское время русское население в Сибири пополнилось выходцами с Русского Севера – с Мезени, Печоры, из Устюга, Перми, Чердыни и других мест. По-видимому, тогда представители второй (послеермаковской) волны русских и придумали эту кличку. Она в негативном смысле *чалдон* ‘болван’ зафиксирована у русских жителей низовья Оби (Бартенёв В., 1894). Моя бабушка Маланья, которая приехала в Сибирь в начале 1900-х гг., на мой детский вопрос о челдонах отвечала: «Челдоны – это кто до нас приехал. А мы расейские». Нам известно, что семьи Чердынцевых и Устюжаниных (явные выходцы с Русского Севера), живущие в Кемеровской области, до сих пор употребляют слово «челдон» в уничижительном смысле (балбес, болван, туповатый). Мой знакомый из с. Верхобское Алтайского края, вспоминая свои послевоенные школьные годы, говорил, что учитель математики Прокопий Тимофеевич Попов в сердцах стучал костяшками пальцев по затылку нерадивого ученика, выговаривая ему: «Челдон ты этакий, почему не учишь?». Челдоны платили «расейским» тем же. Они презирали Расею, относились к ней свысока, придумали даже оскорбительное «Расея – засеря» Сибирь они никогда не называли Расеей. И не позволяли себя называть расейскими: «Мы не расейски, мы сибиряки», а «расейских» не признавали русскими: «У нас, у русских, не то, что у расейских», «У вас в Расее так, а у нас в Сибири эдак» (Молотилев А., 1913).

Имеются сведения, что челдоны Верхнего Приобья в XIX в. придерживались официальной православной религии и отграничивали себя от старообрядцев поморского согласия (кержаков). Старожилы здесь хорошо помнили их: «...*приехали с Дона и называли себя челдонами...*» (Фурсова Е.Ф., 2001, с. 96).

Томские филологи считают правильным написание *чалдон* (Блинова О.И., 2003; Вершининский словарь, 2002; Полный словарь..., 1995) и приводят объяснения респондентов: «чалдоны – крестьян так называют»; «это городские нашего брата, как осердятся, чалдонами называют»; «нет, я не чалдонка, я росейска». По

их мнению, чалдон – это презрительная кличка старожилов-сибиряков, преимущественно крестьян. Это насмешливое название старожилам давали «расейские» крестьяне, которые после отмены крепостного права стали заселять Сибирь. Кличку эту от них переняли и организованные переселенцы начала XX в. Однако нам эта версия представляется не обоснованной.

Зафиксированному выражению «челдон желторотый» (Молотиллов А., 1913). В.М. Кимеев (1997) даёт следующее объяснение. Когда предки челдонов на Дону не приняли новую никоновскую церковь (XVII в.), их стали гнать в Сибирь. Шли они ротами, в одной из рот были жёлтые различительные пояса, в другой красные. Нам представляется это объяснение неудачным. К тому же известно, что челдоны Верхнего Приобья (Бурлинская волость) придерживались официального православия (Фурсова Е.Ф., 2001).

Возможно, слово *челдон* (*чалдон*) приобрело уничижительный смысл в Зауралье, где послеермаковские казаки видели в более ранних русских переселенцах с Дона людей примитивных, занимающихся охотой и рыболовством, забывших земледелие. Слово *челдон* (*чалдон*) было известно в русской среде до переселения малоземельных крестьян. И к тому же в местах, куда переселенцы не направлялись, например, в низовье Оби (Бартенёв В., 1894). М.Л. Бережнова (2004) усматривает в говорах Русского Севера слово *челдон* (*чалдон*) в обозначении «чужой народ, чужое племя». Причём слово это используется как с позитивным, так и негативным смыслом. Если учесть, что Сибирь осваивали преимущественно выходцы с Русского Севера, то можно допустить и северорусское его происхождение.

Любопытно, что слово *челдон/чалдон* не известно населению европейской части России, отсутствует оно и в ранних письменных источниках сибирского происхождения. В частности, в языке томских жителей XVII – начала XVIII вв. слово *челдон/чалдон* не зафиксировано (Словарь..., 2001).

По нашему мнению, кличку *челдон* за Енисей занесли казаки второй волны (после ермаковского похода). Среди первых (XVIII в.) русских поселенцев/переселенцев (преимущественно крестьян) по Томи между Томской и Кузнецкой крепостями жили Устюжанины и Чердынцевы/Черданцевы, выходцы с Русского

Севера, из городов Великий Устюг и Чердынь. Это были приписные крестьяне Колывано-Воскресенских заводов. И, конечно, они не могли придумать себе такую уничижительную «кликуху». Скорее именно эти крестьяне, отграничивая себя от более ранних насельников, дали её последним. Но старорусскому языку это слово (челдон) не было известно (Срезнёвский Н.Н., 1903), поэтому можно говорить только о его сибирском происхождении. Да и в первых русских документах из Сибири слово это, насколько нам известно, ни разу не было упомянуто.

А третья волна переселенцев (рубеж XIX–XX вв.) усвоила и распространила кличку челдон (чалдон) на своих предшественников – на русское население, как первой, так и второй волны. Более того, здесь усилился негативный смысл этой клички.

Слово *челдон* в Иркутской губернии стало обозначать разбойника, бродягу, грабителя (В.И. Даль считал его монгольским заимствованием). Монгольское происхождение клички предполагалось и А.А. Бобровниковым (1854, столб. 197): *чолдон* ‘каторжник, беглый с нерчинских заводов’ (из монг. *шолдон* – ругательное слово: всеми презираемый, негодный человек). Но вряд ли это монгольское слово распространилось бы в Западной Сибири вплоть до низовий Оби.

Этимология слова *челдон* (чалдон) до сих пор не выяснена. Предложено много версий, но ни одна из них не может считаться безупречной. Само по себе слово может быть разложено на два компонента с самостоятельным смыслом – *чело* (*чало*) и *дон*. Последний компонент обычно выводят из топонима Дон. По первому же предлагается множество вариантов, но ни одно объяснение нельзя признать безупречным. Приведем неполный перечень этих версий: ‘причалить (с Дона)’, ‘часть головы от темени до бровей’, ‘лучший, первый’ (человый хлеб, человое пиво, т.е. пиво первого слива), ‘чело печи’. На Руси человым назывался полк (воинство), который в боевой позиции занимал передовое место (принимая удар в лоб), а на флангах подкреплялся другими дружинами. Это была передняя часть ратного строя.

Пополним коллекцию версий.

В славянских языках слово *человек* (**čьloveкъ*) содержит компонент *чел*, который нас интересует. Но и этот компонент не имеет общепризнанной этимологии. По одной из версий, компонент

čel восходит к индоевропейскому *k^hel 'род, клан, стая, рой, толпа' (ср. русск. *челядь*). Исходя из этой версии, можно предположить что челдоны – это «толпа, группа людей с Дона». Но, насколько нам известно, в старорусском языке слово *чел* (*čel) с этим значением (род, толпа) не употреблялось.

В северорусских говорах термин *челна* 'исток реки' использовался наряду с такими, как *верхоречина*, *верхотá*, *голова* (Мусихина З.С., 1966). Нам этот вариант представляется перспективным в разработке темы. С использованием этого термина и гидронима Дон слово «челдон» можно воспринять как «исход из (от) Дона». Следовательно, челдон – это первый (выходец) с Дона. Эту кличку дали паджо-самарам казаки ермаковского «призыва», такие же выходцы с Дона, но не первые. Дополним, что в санскр. *čal/чал* 'двигаться' (Гильдерфинг А., 1854, стлб 232), от которого могло и произойти русск. *тащить* (см. выше версию «причалить с Дона»). Иранизмы в русском языке нередки.

Думается, к разряду народной этимологии можно отнести и версии возникновения этнонима по месту давнего их проживания – при слиянии рр. Чал (такая река неизвестна) и Дон (Фурсова Е.Ф., 1997) или от «челны (*чалы*) *тащили по Дону*» (см.: Кимеев В.М., 1997).

Очень не хочется выводить слово «челдон» из русского (известно в курском диалекте) *талдон* 'бестолковый человек' (Гильдерфинг А., 1853), памятуя о бытовавшем в Сибири понятии, что челдон – это балбес, туповатый (ср. *талдонить* ~ *толдонить*, т.е. много раз повторять одно и то же непонятливому человеку).

И ещё одна версия, не менее произвольная, чем предыдущая и совершенно не разработанная. Она заключается в том, что в тюркских языках кыпчакской группы (а контакт русских и тюрков-половцев в Причерноморье имел место) известно слово *чала*, которое в этнографическом смысле указывает на метисацию представителей различных народностей: чала-казак – потомок от казаха и неказашки (Энцикл. словарь..., 1903). Можно ли в слове *челдон/чалдон* увидеть название метисов – выходца с Дона и аборигенки Сибири? Сомнительно.

Подводя итог, можно только с сожалением сказать, что этимология слова *челдон/чалдон* остаётся тайной. Но это сибирское слово.

7. ПРОБЛЕМА ЛУКОМОРИИ В ТЕЗИСНОЙ ФОРМЕ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Начало русской колонизации относится не к концу XVI в., как принято считать (Люцидарская А.А., 1972). Изначально стихийное заселение русскими Прииртышья и Нижней Оби началось двумя столетиями раньше и связано с приходом туда групп населения из южнорусских степей. И вряд ли это были бродники, люди не осёдлые и не привыкшие к труду. Это были крестьяне, осваивавшие степное зарубежье русской земли.

В создании топонима Лукомория «виновны», на наш взгляд, не северяне-новгородцы, которые никогда не создавали здесь постоянных поселений, а южане из-за Дона. Это подтверждает и этноним *Samariequi* (*самары*) на карте Дж. Кантелли (1683 г.), не знакомый новгородцам, но известный по преданиям Каяловых. Насколько верны эти сведения о выходе Каяловых с Дона? Картографические материалы в основном подтверждают устные предания Каяловых.

Между Днепром и Северским Донцом можно найти все реки, имена которых сохранились в памяти сибирских Каяловых (см. рис. 8).

Сибирское Лукоморье – миф или реальность? Изложенный материал позволяет вполне определенно высказать следующие положения:

- 1) Лукомория – это реальный топоним, обозначающий обширную местность в правобережье Оби (рис. 22);
- 2) топоним создан в XIV в., возможно, в XV в. русскими выходцами из причерноморских земель.

Торговые связи населения Северного Причерноморья и низовий Иртыша были давними и очень прочными, о чём свидетельствуют торговые ярмарки в низовье Дона и хорошая

осведомлённость населения русского населения южной окраины Руси о землях Западной Сибири. Именно это послужило толчком к миграции значительного числа людей из Причерноморья в Сибирь в сложный исторический период. Первыми мигрантами были цингалы, которые в Сибири освоили территорию от р. Казым на севере до р. Демьянка на юге (рис. 16). Похоже, что именно из среды обостячившихся цингал/цинган были избраны некоторые хантыйские князцы с русскими именами Роман, Демьян, Бояр (см. выше).

Рис. 22. Сибирская Лукомория:

1 – остров Цынга-пай; 2 – юрты Цынганины; 3 – Изба Цынганина; 4 – р. Цынга; 5 – юрты Цынга

Пришлое русское население успешно адаптировалось к новым природным условиям, новому быту и новым хозяйственным занятиям, переняв образ жизни коренного населения. Этому способствовали перекрестные браки. Однако до наших дней дошли прямые потомки ранних мигрантов, которые сохранили устойчивую систему преданий, нашедших подтверждение топонимическими и историческими материалами.

Сибирское Лукоморье и «Слово о полку Игореве». Каяловы были выходцами с правобережья Дона, где на р. Каяла в 1185 г. драматично завершился поход северского князя Игоря против половцев. Однако до сих пор эта река не идентифицирована с какой-либо современной, хотя попыток такого рода сделано немало¹. Наша: р. Каяла – это среднее течение р. Волчья, левого притока Самары (система Днепра). Здесь, где-то вблизи устьев притоков Волчьей – рр. Гайчул или Ялы – князь Игорь потерпел поражение в битве с половцами.

Потомки самаров. Потомками самаров, выходцев из-за Дона (доермаковское время), могут быть носители фамилий Самаровы, Самарины, **Каяловы**, **Цингаловы/Цынгаловы**, Цингалины, Цыгановы, Бояровы, Романовы, Саитымкины, Саитымовы², Семейкины³, Байбалаковы, Таиловы, Томилковы, Томилкины, Томиловы (выделены шрифтом достоверные фамилии, ныне известные как самарские).

Очевидно, кличка первых русских сибиряков – челдоны – также «привязана» к ранним мигрантам из-за Дона. Так неожиданно история сибирской Лукомории переплелась с событиями ранних времён на южных рубежах Русской земли.

Сокращения названий языков

алт. – алтайский	перс. – персидский
Азерб. – азербайджанский	санскр. – санскрит
башк. – башкирский	серб. – сербский
ит. – итальянский	слав. – славянский
казах. – казахский	тат. – татарский
каз. тат. – казанских татар	тел. – телеутский
караим. – караимский	тур. – турецкий
каракалп. – кракалпакский	туркм. – туркменский
кирг. – киргизский	тюрк. – тюркский
койб. – койбальский	узб. – узбекский
кум. – кумыкский	уйг. – уйгурский
лебед. – лебединский (челканский)	чув. – чувашский
новогреч. – новогреческий	шор. – шорский
ног. – ногайский	

¹ Обзор: Гетманец М.Ф., 1982; Энциклопедия «Слова...», 1995.

² Село Сытомино около Сургута получило название не от этого ли имени?

³ Не названо ли по имени Семейка село Семейское недалеко от с. Цынгалы?

Литература

Аверин Игорь. Те, которые презирают смерть // Родина. 1997. № 9. С. 34–36.

Агеева Н.И. К истории основания русских поселений Томской области в связи с задачами изучения русских говоров Сибири // Учёные записки Томского государственного педагогического института. 1953. Т. 10. С. 103–126.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. LX + 368 с.; 1941. LXI + 612 с.

Андреевич В.К. История Сибири. Часть 1. СПб., 1889. 220 с.; Часть 2. Период с 1660 г. до царствования Императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1889. 467 с.

Балюк Н.А. Формирование селитебной системы Приобья по материалам Самарова городка // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 185–196.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. 208 с.

Бартенёв В. О русском языке в Обдорском крае. Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 126–130.

Бахрушин С.В. Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 15–71.

Бахрушин С.В. История народов Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955а. 299 с.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955б. С. 86–152.

Белобородов С.А. Столица северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1999. 160 с.

Берг Л.С. О древнем расселении енисейских самоедов или энцев // Известия Всесоюзного географического общества. 1945. № 5.

Бержнова М.Л. О возможно русском происхождении слова *чандал*: этимология и этнографо-археологические параллели // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 135–137.

Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003. 242 с.

Бобровников А.А. Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий. СПб., 1854. Т. 1, тетр. 2. Стлб 193–197.

Большая советская энциклопедия. Т. 60. М., 1934.

Броневский Семён. Исторические сведения о Кавказе. Часть первая. М., 1823. 352 с.; Часть вторая. М., 1823. 466 с.

Бутанаев В.Я. Происхождение хакаских фамилий. Абакан, 1994. 94 с.

Буцинский П.И. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков, 1889. 345 с.

- Буцинский П.Н. Заселение Сибири – Мангазея и Мангазейский уезд //Отдельный оттиск, Харьков, 1893. 60 с. (Записки Харьковского университета. Кн. 1).
- Василевич Г.М. Этноним *саман* → *самай* у народов Сибири // Советская этнография. 1965. № 3. С. 139–145.
- Василевич Г.М. Топонимы тунгусского происхождения // Этнография имён. 1971. С. 160–171.
- Василенко Н. Малороссия // Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 490–509.
- Вершининский словарь. Т. 7. Т–Я. Томск, 2002. 526 с.
- Гаглойти А.С. Аланы и вопросы происхождения осетин. Тбилиси, 1966. 256 с.
- Гейченко С.С. У Лукоморья. Л., 1986. 495 с.
- Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. III и IV. 1799. 387 с.
- [Герберштейн С.] Записки о Московии барона Герберштейна. СПб., 1866. 230+XIV с.; М., 1988. 431 с.
- Герберштейн С. О московитских делах. СПб., 1908. 383 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. 429 с.
- Гетманец М.Ф. Тайна реки Каялы («Слово о полку Игореве»). Харьков, 1982. 144 с.
- Гильфердинг А.Ф. О родстве языка славянского с санскритским. СПб., 1853. 288+VI с.
- Гильфердинг А.Ф. Сравнение языка славянского с санскритским // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854. Т.1. Стлб 209–252.
- Глузченко В.В. Казачество Евразии. Зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2006. 288 с..
- Головачёв П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Эюд по истории в Сибири XVIII века. М., 1889. 127 с.
- Гордеев Ф.И. О происхождении гидронима *Волга* // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 122–128.
- Гулия И. Современные названия кавказских племён // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1909. С 1–38 (собств. пагинация)
- Деметр Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. Воронеж, 2000. 334 с.
- Добродеев И.Г. Антропонимы или этнонимы // Ономастика Востока. М., 1980. С. 221–226.
- Друц Е.А., Гесслер А.Н. Цыгане. М., 1990. 334 с.
- Евсеева Н.С., Малолетко А.М. Результаты обследования Кулайской горы в 2001 г. // Археолого-этнографические исследования в южно-таёжной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 34–37.
- Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 356 с.
- Загоскин М.П. Юрий Милославский, или русские в 1612 г. М., 1991. 239 с.

Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. 563 с.

Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М.; Л., 1947. 96 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. 404 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. 544 с.

[*Карамзин Н.М.*] Н.М. Карамзин об истории государства Российского. М., 1990. 384.

Кимеев В.М. Касыминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касыминской волости. Кемерово, 1997. 200 с.

Книга Большому чертежу, или древняя карта Российского государства, подновлённая в разряде и списанная в книгу в 1627 году. Издание второе. СПб., 1836. 261 с.

Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. 169 с.

Колесников А.Д. Ермак. Исторический очерк. Омск, 1983. 72 с.

Кордт В. Материалы по русской картографии. Киев, 1891. Вып. 1. 15 с. + 31 карта; 1910. Вып. 2. 31 с. + 45 карт.

Кривошипкин М. Об осяках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1863. Кн. 4. С. 39–86.

Кудряшов К.В. О местоположении половецких веж в Северном Причерноморье в XII в. // Труды Института этнографии 1947. Т. 1. С. 98–112.

Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. 163 с.

Куза А. В граде Игровом // Наука и жизнь. 1981. № 2. С. 136–141.

Кучер А.Н., Горошина Н.В., Чернова И.В. О брачных связях ясачного населения Тымского прихода (по данным метрических книг) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. К 100-летию со дня рождения В.Н. Чернецова. Томск, 2005. С. 262–265.

Лонгинов А.В. Исторические исследования сказания о походе Северского князя Игоря Святославовича на половцев в 1185 году. Одесса, 1892. 280 с.

Лопарёв Хр. Самарово село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896. 244 с.

Тобольск и вся Сибирь. Альманах, № 5. Лукоморье. Тобольск, 2005. 304 с.

Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири. История и культура. К 75-летию выдающегося этнографа профессора Г.И. Пелих. Новосибирск, 1997. С. 152–158.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т. 1. 288 с.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1983. Т. II. 400 с.

Малиновская С. М. Проблема генезиса селькупских фамилий // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 25–36.

Малолетко А.М. Русское население в Сибири до Ермака // Историческая и современная картография в развитии Алтайского региона. Барнаул, 1997. С. 25–29.

Малолетко А.М. Сибирская Лукомория – миф или реальность (опыт палеотопонимических исследований) // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002. С. 173–188.

Малолетко А.М. Первая русская колония в Сибири // Исторический. опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 84–90.

Малолетко А.М. Как появилась река Каяла в Сибири // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 173–175.

Малолетко А.М. М.Ф. Розен о сибирской Лукомории // Михаил Фёдорович Розен. Геолог, исследователь Алтая, краевед (к 100-летию со дня рождения). Барнаул, 2004. С. 118–121.

Малолетко А.М. К этимологии некоторых топонимов «Слова о полку Игореве» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 1 (38). С. 79–81.

Малолетко А.М. Лукомория – первая русская колония в Сибири. Томск, 2005. 80 с.; Томск, 2006. 2-е издание, дополн., 96 с.) 3-е издание, дополн., 2008. 100 с.

Малолетко А.М. Ранние сибирско-причерноморские ономастические связи // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Материалы II Всероссийской конференции, посвящённой памяти профессора И.А. Воробьёвой. Барнаул, 2005. С. 37–43.

Малолетко А.М. Южная Россия и первая русская колония в Сибири // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Сборник научных трудов IV Международной научной конференции. Белгород, 2006. С. 21–23.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. 192 с.

Мартынов Л. Черты сходства. Новеллы. М., 1982. 224 с.

Мартынова Е.П. Этническая консолидация или этническая дифференциация (к проблеме формирования этносов обских угров) // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 400–415.

Матвеев А.К. К проблеме дофинноугорского субстрата в севернорусской топонимике // Вопросы топониматики. Вып. 1. Свердловск, 1962. С. 3–9.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. 192 с.

Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1995. 318 с.

Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. 267 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирского царства и всех происшедших в ней дел от начала а особливо от покорения его Российской державе по сие время. СПб., 1750. 457 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. 1. 607 с.; 1941. Т. 2. 637 с.

[Миллер Г.Ф.] Сибирь XVIII века в путевых заметках Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. 310 с.

Мирославская А.Н. Имена прилагательных со значением цвета в новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 111 годов // Вопросы русского языка (вып. VIII). Сборник научных трудов. Вып. 112. М., 1973. с. 66.

Молотилов А. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда, Томской губернии) // Труды Томского общества изучения Сибири. 1913. Т. 3. 187 с.

Морозова З.В. Тюркские корни в этногенезе казачества России // Тюрки. Тобольск; Омск, 2002. С. 198–199.

Муромцев І.В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сівірського Дінця). Київ, 1966. 104 с.

Мусихина З.С. К вопросу о формировании гидрографической терминологии в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 20–31.

Мухин В.В. Ермак Тимофеевич. Пермь, 1957. 46 с.

Населённые пункты Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928. XLIX + 231 с.

Небольсин Н. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.

Никонов В.А. Топонимический словарь. М., 1966. 510 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. 108 с.

Ногмов Ш.Б. История адыгского народа. Нальчик, 1958. 240 с.

Огородников Вл.И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Ч. II. Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924. 109 с.

Оксёнов А. Сибирь до Ермака. Томские ведомости. 1889. № 9–13.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 321 с.

Орлова Е.Н. Население по рр. Кети и Тыму, сго состав и быт // Работы Научно-промышленной экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна. Т. 1. Вып. 4. Красноярск, 1928. 55+6 с. + 1 карта.

Отин Е.С. Об именах и кличках, тождественных топонимам // Этнография имён. М., 1971. С. 258–260.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М., 1951. 620 с.

Патканов С. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. Т. 2. // Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. 432 с.

Пелих Г.И. Обские Каяловы о реке Каяла // Вопросы географии Сибири. 1995. № 21. С. 67–81.

Петкевич К. Казачье государство (Неиспользованная возможность построения украинского государства в XVII веке) // Природа и самоорганизация общества. М., 2002. С. 137–165.

Полный словарь сибирского говора. Т. 4. С–Я. Томск, 1995. 276 с.

Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. 366 + 18 с.

Подов Вл. Легендарная река Каяла открывает свои тайны. Луганск, 2006. 84 с.

Подов Вл. Донбасс – Сибирь. Средневековые торговые связи. Жители Донбасса и Приднепровья – первые колонизаторы Сибири. Луганск, 2007. 88 с.

Попов А.И. «Каяла» и «Канина» в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1967. № 4. С. 217–218.

Попов А.И. Заметки о «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1969. № 4. С. 181–186.

Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973. 177 с.

[Ремезов С.У.] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

Розен М.Ф. Алтай на чертежах и картах XVI–XIX вв. // Историческая картография и топонимика Алтая. Томск, 1980. С. 3–67.

Розен М.Ф. Легенда о сибирской Лукомории // Уральский следопыт. 1983. № 11. С. 76–77.

Розен М.Ф. Географические легенды и учёные // Вопросы географии Сибири. 1989. Вып. 18. С. 148–154.

Розен М.Ф. Лукоморье // М.Ф. Розен – исследователь Алтая. Томск, 1992. С. 77–78.

Розен М.Ф. Сибирская Лукомория // Краеведческий вестник. Бийск, 1997. № 5. С. 45–48.

Розен М.Ф. Верхняя Обь и Алтай на картах XVI–XIX вв. Барнаул, 1998. 120 с.

Рыбаков Б.А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // Научные доклады Высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1. С. 5–11.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии (XV – начало XVI вв.). М., 1979. 112 с.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2010. 480 с.

Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII в. в Сибири. М., 1951. 200 с.

Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л., 1982. 32 с.

Скрынников Руслан. Ермак. М., 2008. 256 с.

Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века. Томск, 2001. 336 с.

Сокол М.Т. О некоторых древнетюркских словах и топонимах в «Слове о полку Игореве» // Исследования по русскому и украинскому языкам. Днепропетровск, 1973. С. 58–68.

Стафариус Н. Сибирь и Китай. Кишинёв, 1960. 516 с.

Список населённых мест Донского округа Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1927. 116 с.

Список населённых мест. Т. 13. Екатеринославская губерния. По сведениям 1859 года. СПб., 1863. XXIV+52 с.

Список населённых мест. Т. 60. Тобольская губерния. По сведениям 1868–1869 годов. СПб., 1871. Т. CCLXXII + 196 с.

Список населённых мест. Т. 60. Томская губерния. По сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. CXXIV + 148 с.

Срезнёвский И.Н. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стлб 1488–1489.

Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. 2. Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001. 115 с.

Трубачев О.Н. Названия рек правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. 289 с.

Файзрахманов Г.Л. Из истории борьбы угро-финских, тюркских и восточносибирских народов за независимость в XVII веке // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С.244–250.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т 4. (Т–Я). 856 с.

Фёдоров В.Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена р. Каяла. М., 1956. 176 с.

Федосюк Юрий. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М., 1996. 288 с.

[Фишер И.Е.] Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием, сочинённая на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом СПб. Академии наук профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб., 1774. 631 с.

[Флоринский В.М.] Заметка о происхождении слова *Самара* и о древнем народе сарматах // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. С. 223–234.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1997. 150 с.

Фурсова Е.Ф. Трансформационные свойства традиционной культуры: полевые этнографические материалы к работе алтайского крестьянина П. Школдина // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 95–99.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М., Горланова Л.А. Тысячелетняя реконструкция температуры лета на полярном Урале: данные древесных колец можжевельника сибирского и лиственницы сибирской // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1(9). С. 2–5.

Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. 38. СПб., 1903. Стлб 37.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995. 389 с.; Т.5. СПб., 1995. 400 с.

ГАЛИНА ИВАНОВНА ПЕЛИХ
(12.10.1922–16.09.1999)

Галина Ивановна Пелих (в девичестве Вылевко¹) родилась в Барнауле, в семье служащего, репрессированного в 1938 г. и реабилитированного в 1956 г. В 1940 г. она окончила в Томске школу № 6 и поступила учиться на физико-математический факультет. Проучившись один семестр, Галина Ивановна в феврале 1941 г. перешла на исторический факультет (позже историко-филологический). На формирование её научных интересов повлияли лекции талантливых учёных – археолога К.Э. Гриневича и эвакуированных в Томск из Москвы и Харькова – филолога А.И. Белецкого, известных историков А.И. Неусыхина, Ф.А. Хейфеца, В.Ю. Гессена.

Окончив в 1945 г. университет по специальности «новая история», Галина Ивановна получила квалификацию «учитель истории с правом преподавания в высшей и средней школе». Трудовую деятельность начала в качестве преподавателя Ста-

¹ Фамилия образована от слова *вылевки* – рабочие на речном транспорте, которые занимались водоотливом из крупных транспортных лодок в XVIII в. (Отчёт Черницына. ЦХАФ АК, Ф. 169. 1 доп. к описи. Д. 11.).

линского (ныне Новокузнецкого) педагогического института. По семейным обстоятельствам (замужество) вернулась в Томск.

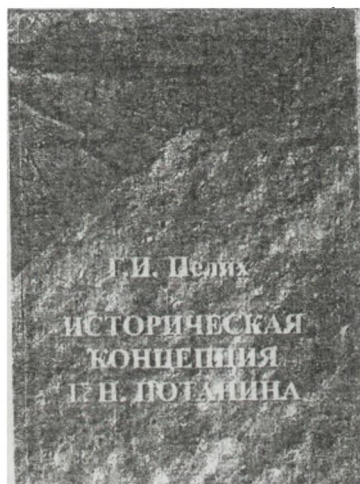
С 1 сентября 1946 г. Галина Ивановна приступила к работе на кафедре всеобщей истории Томского педагогического института, после закрытия факультета перешла в Томский госуниверситет. С 1 октября 1955 г. она старший преподаватель, с 3 июля 1957 г. доцент кафедры древней и средней истории. С 1 сентября 1962 г. Галина Ивановна перешла на кафедру археологии и этнографии, с 28 июня 1976 г. она профессор той же кафедры. С 26 декабря 1977 г. по 20 февраля 1981 г. Галина Ивановна – старший научный сотрудник сектора этнографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск), с 1 июня 1993 г. – профессор-консультант кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ.

В разные годы Г.И. читала курсы:

- история Древнего Востока;
- история древней Греции и Рима;
- этнография народов мира;
- этнография народов Сибири;
- история религии;
- история возникновения и развития древних территориальных общин;
- древние цивилизации Америки, Азии и Африки.

Обладея редким лекторским даром, Галина Ивановна увлекала зачарованных студентов в далёкие времена и миры; увлекательность её лекций гармонично сочеталась с высоким научным уровнем.

В 1952–1953 гг., в период работы в Томском педагогическом институте Галина Ивановна обучалась в заочной аспирантуре при Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР под руководством видного советского этнографа проф. Л.П. Потапова. Л.П. Потапов до революции учился в Барнаульской гимназии с Селивановым, дядей Галины Ивановны по материнской линии. В 1954 г. Галина Ивановна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Территориальная община у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX вв.», а в 1972 г. – докторскую на тему «Происхождение и история селькупов».

Монографии Г.И. Пелих

Г.И. Пелих стояла у истоков возрождения послевоенной науки этнографии в Сибири. Крупным вкладом в историческую науку явились её исследования по истории и этнологии коренных народов – селькупов, хантов, шорцев, карагасов и др. Вместе с учениками она проехала и прошла многие тысячи километров по просторам Севера Западной Сибири. Присущий Галине Ивановне новаторский характер научных изысканий по-

зволил ей выйти за рамки устоявшихся представлений о развитии аборигенных обществ Сибири. Она разработала оригинальные теоретические подходы и методику этнической идентификации различных типов источников (ретроспективно-аналитический метод этногенетических исследований), позволившие ей реконструировать сложный процесс этногенеза селюков и нашедшие применение в исследованиях других этнологов. Галина Ивановна не считала этот метод единственным и всегда выступала за комплексность в этногенетических исследованиях. Её труды стимулировали интерес этнологов к изучению различных сторон древней истории народов Сибири.

Творчество и личность Г.И. Пелих разноречиво оценивается современниками. Не для всех она была удобным человеком. Сложная судьба, раннее одиночество (потеря мужа и дочери) выработали у неё жесткие средства самозащиты и отстаивания своих интересов, как житейских, так и творческих. Прямолинейность поведения воспринимались как неуживчивость, смелые творческие искания как научный авантюризм. Некоторая небрежность в публикациях (неточность в ссылках и подборе иллюстративного материала) давала повод для критики. Но никто не может отделить Галину Ивановну от значительных результатов её научного поиска. Оригинальность решения исследовательских задач, смелость творческих замыслов, широта обзоров были неотделимы от Галины Ивановны.

Галина Ивановна обладала редкостным даром настоящего лектора. Зачарованные студенты следовали за ней в далёкие миры и времена. Увлекательность её лекций гармонично сочеталась с их высоким научным уровнем.

Я тоже подпал под влияние Галины Ивановны. В 1972 г. я приобрёл только что вышедшую монографию Галины Ивановны «Происхождение селюков». Я не мог оторваться от текста, читая книгу как приключенческий роман. Наверное, тогда во мне зародился интерес к истории и происхождению народов Сибири, который я пронёс через десятилетия. Я поздно познакомился с Галиной Ивановной. В 1995 г., уже не помню, при каких обстоятельствах, я предложил Галине Ивановне написать что-нибудь в 21-й выпуск «Вопросов географии Сибири», который комплектовал. Галина Ивановна сразу же согласилась и вскоре вручила мне текст статьи «Обские Каяловы о реке Каяла». Я даже не предполагал тогда, какую роль сыграет её статья в моём

творчестве. Галина Ивановна ввела меня в позднесредневековую историю населения Сибири, дала надёжную зацепку для определения связей Северного Причерноморья и Нижнего Прииртышья в доермаковское время. Явление, столь необыкновенное и яркое, не могло оставить меня равнодушным. Последняя строчка статьи Галины Ивановны обнадёживала, автор обещала в следующей статье продолжить разговор на эту тему. Но продолжения не последовало. Через пару лет я позвонил Галине Ивановне и напомнил об обещании продолжить разговор о самарах. Галина Ивановна удивилась и сказала, что она вообще не писала такую статью. Я горячо стал доказывать обратное, но Галина Ивановна резко оборвала меня. Я извинился, сославшись на то, что я, очевидно, что-то перепутал, и положил трубку. Вскоре её не стало. Ушла с ней и информация, которая пролила бы дополнительный свет на историю доермаковской колонизации Сибири русскими. После выхода в свет статьи Галины Ивановны о Каяловых, тема эта надолго завладела мной.

В архиве Музея археологии и этнографии хранятся отчёты Галины Ивановны по её экспедициям. Из отчётов было изъято немало страниц. Очевидно, эту выборку сделала Галина Ивановна, намереваясь продолжить разработку темы. Вероятно, эти страницы находятся в неразобранном архиве Галины Ивановны, который хранится на кафедре. И вообще. архив Г.И. Пелих ждёт своего исследователя.

Подробное описание Каяловых сопровождалось скудным упоминанием о цыгалах, которые ушли из-за Дона в Сибирь ещё раньше Каяловых. Я попытался восполнить этот пробел и разыскал некоторые сведения (топонимические и исторические) об этих ранних сибирских колонистах. Постепенно формировалась сложная картина миграции в доермаковское время русского населения из Причерноморья в Сибирь. Разрабатывая эту тему, я пришёл к выводу, что цынгалы (цынги) – это особая группа пришлого населения не выясненной этнической принадлежности. Возможно, цынгалы вышли из северокавказской, адыгской среды. Требуется дальнейшие поиски следов цынгалов в хантыйской среде. Несомненно, картина была сложнее. Многие детали и людские судьбы вряд ли будут реконструированы. Но и то, что удалось сделать в раскрытии новых страниц истории колонизации Сибири – это заслуживает внимания. И главная за-

слуга в этом принадлежит талантливому этнографу Галине Ивановне Пелих.

Более подробно жизненный и творческий путь Г.И. Пелих описан в книге «Профессора Томского университета» (Томск, 2001, с. 292–295).

Вклад Галины Ивановны в этнографическую науку был высоко оценён учёными, которые посвятили её юбилейный сборник «Народы Сибири. История и культура. К 75-летию выдающегося этнографа профессора Г.И. Пелих», Новосибирск, 1997, 160 с. Коллеги Галины Ивановны, редакторы сборника (А.П. Деревянко, И.Н. Гемуев и И.В. Октябрьская) в предисловии высоко оценили её исследовательскую работу.

«Вклад Г.И. Пелих в сибиреведение определяется её исследовательским талантом и многогранностью научной проблематики, Рассматривая происхождения селькупов, Г.И. Пелих сумела воссоздать сложный процесс возникновения этого народа и, вместе с тем, разработать оригинальные теоретико-методологические подходы к проблемам этногенеза и конкретные процедуры этногенетического исследования. Всё это в дальнейшем нашло применение в работах других учёных.

Анализируя социально-экономические процессы позднего средневековья и нового времени у сибирских аборигенов, Г.И. Пелих выявила специфику экономического развития коренного населения Сибири, эволюцию общественного строя и, в то же время, сделала важные теоретические выводы, связанные с возникновением и развитием различных социальных институтов. Новаторский характер научных изысканий Г.И. Пелих, побудил её выйти за рамки устоявшихся представлений о развитии аборигенных обществ Сибири, по-иному осветить их историческое прошлое.

Г.И. Пелих присущи наряду с многогранностью интересов, широчайшая эрудиция...».

Монографию «Происхождение селькупов» (1972 г.) я прочитал неотрывно, как приключенческий роман.

Монографию «Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории)» с дарственной надписью Галины Ивановны храню как реликвию.

Список печатных работ Г.И. Пелих невелик, но они навсегда войдут в анналы сибирской этнографической науки и будут ещё долго интересовать учёных.

Печатные работы Г.И. Пелих

Работы, отмеченные звёздочкой * не просмотрены de visu.

1. К вопросу о селькупках Нарымского края // Материалы XVIII научной конференции Томского государственного педагогического университета. Томск, 1953. С. 25–27.
2. Территориальная община у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1954. 22 с.
3. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края // Учёные записки ТГПИ. Томск, 1955. Т. 14. С. 251–284.
4. Из прошлого нарымских селькупов // Учёные записки ТГПИ. Томск, 1956. Т. 15. С. 206–216 [О фольклорных экспедициях] (в соавторстве с Я.Р. Кошелевым).
5. Социальные отношения и классовая борьба у селькупов Нарымского края на грани XIX–XX вв. // Доклады VII научной конференции [Томского университета], посвящённой 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. Томск, 1957. С. 65–66.
6. К вопросу о кружке Г.Н. Потанина в Томске (неопубликованные материалы) // Учёные записки ТГПИ. Томск, 1957. Т. 16. С. 501–504 (в соавторстве с Я.Р. Кошелевым).
7. Территориальная община у селькупов Нарымского края конца XIX – начала XX вв. // Сборник научных трудов кафедры всеобщей истории и истории СССР. Труды ТГУ. Томск, 1961. Т. 150. С. 73–83.
8. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Т. IV. С. 176–196.
9. К вопросу о родоплеменном строе нарымских селькупов // Труды Томского государственного университета. Томск, 1963. Т. 165. С. 137–148.
10. К вопросу о «карагасах» Томской области // Труды ТГУ. Томск, 1963. Т. 165 (в соавторстве с Н.В. Лукиной).
11. К истории селькупского шаманства // Труды 1963. Т. 171. С. 159–174.
12. Элементы переднеазиатской культуры нарымских селькупов // Труды ТГУ. Томск. 1964. Т. 167. С. 132–144.
13. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 63–69.
14. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 94–107.
15. О методике научной классификации сибирских петроглифов // Советская этнография. 1968. № 3. С. 68–76.
16. *Проблема культурных аналогий по материалам сибирской этнографии // Тезисы докладов межвузовской конференции. Кемерово, 1968.

17. Субстратные компоненты селькупского этноса // Материалы научной конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 155–156.
18. Ретроспективно-этнографическое изучение этногенетических процессов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской конференции 11–13 мая 1969 г. Томск, 1969. С. 235–236.
19. Происхождение и история селькупов. Автореф. ... докт. истор. наук.. Томск, 1972. 40 с.
20. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
21. Томские карагасы // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 3–10.
22. Историческая концепция Г.Н. Потанина // Материалы межвузовской научной конференции. Вып. 4. Всемирная история и историография. Томск, 1972. С. 125–132.
23. О типе этноса эпохи формирования раннеклассовых обществ // Все-союзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г.: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973. С. 91–93.
24. Ретроспективные возможности этнографии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской конференции 14–16 июня 1973 г. Томск, 1973. С. 18–21.
25. Таксономическая характеристика селькупского этноса // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 115–116.
26. Селькупское оленеводство // Советская этнография, 1974. № 3. С. 83–95 (в соавторстве с И.Н. Гемусевым).
27. Маршрутами полевой и теоретической этнографии: Рассказывает Г.И. Пелих. Новосибирск, 1979. 47 с.
28. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.
29. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 176 с.
30. *Северная Азия. Новосибирск, 1981 (редактор и один из авторов).
31. Букварь для селькупов // Газ. «Народная трибуна». Томск, 1990. 11 октября.
32. Шелаб – крылатый дьявол (Из истории селькупской мифологии) // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 77–91.
33. В тайге умирает народ // Северная книга. Томск, 1993. С. 56–61.
34. К вопросу о нганасанском культе медведицы *нгарка* // Моя избранница: наука, наука, без которой мне не жить... Барнаул, 1995. С. 152–160.
35. Обские Каяловы о реке Каяла // Вопросы географии Сибири. 1995. Вып. 21. С. 67–79 (Перепечатка: Малолетко А.М. Лукомория – первая русская колония в Сибири. Томск, 2005. С. 64–77; 2-е изд-е, 2006, с. 77–92; 3-е изд-е, 2008, с. 81–96).
36. Тайны областнической концепции // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвящённых 160-летию со дня рождения

Григория Николаевича Потанина 4 октября 1995 года. Томск, 1996. С. 71–73 (в соавторстве с А.Т. Топчием).

37. Пюневальде (из истории селькупской мифологии) // Материалы межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера. Томск, 1996. С. 167–168.

38. *Селькупская мифология // Международная мифология. 1996. Т. 16 (в соавторстве с А.Т. Топчием).

39. Категории селькупских шаманов // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 36–45 (в соавторстве с И.Н. Гемуевым).

40. Сказки кетских селькупов // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 163–188 [Переиздание текстов Г.И. Пелих и И.Н. Гемуева].

41. Селькупы: в сибирской тайге умирает народ // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С.122–128.

42. Г.Н.Потанин. Томск, 1997 (в соавторстве с А.Т.Топчием)

43. Селькупская мифология (составитель Г.И. Пелих; обработка: А.Т. Топчий и Р.А.Топчий. Томск, 1998. 80 с.

44. Г.Н. Потанин о роли общины в истории человечества // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266. С. 23–27.

45. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск, 2006. 166 с.

46. Полевые материалы. 1950–1960-е гг. // Архив Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Литература о жизни и творчестве Г.И. Пелих

1. ГАТО. Ф. Р–815. Оп. 29. Д. 497.

2. Ванин Р. В науке нет лёгких путей // За советскую науку. 1968. 4 марта.

3. Хомич Л.В. Проблема этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. 190 с. (о Г.И. Пелих с. 11).

4. Развитие общественных и гуманитарных наук в Томском университете (1880–1980) / Ред. А.П. Бычков, Б.Г. Могилянский. Томск, 1980. 144 с. (о Г.И. Пелих с. 69–70).

5. Дремов В.А., Лукина Н.В., Чиндина Л.А. Археология, этнография и антропология в Томском государственном университете им. В.В. Куйбышева // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 214–227 (о Г.И. Пелих с. 217, 218).

6. Деревянко А.П., Гемуев И.Н., Октябрьская И.В. Предисловие к сборнику статей: Народы Сибири: история и культура: К 75-летию выдающегося этнографа проф. Г.И. Пелих. Новосибирск, 1997. 160 с.

7. Кулемзин В.М., Рындина О.М. Сектор этнографии: итоги пройденного пути // Из истории Сибири: к 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 8–16 (о Г.И. Пелих с. 8).

8. Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета // Вестник Томского государственного университета. Томск, 1999. Т. 268. С. 133–137.

9. Пелих (в девичестве – Вылевко) Галина Ивановна // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Т. 3. 1945–1980. Томск, 2001. С. 292–292.
10. Гемуев И.Н., Томилов Н.А., Топчий А.Т. Галина Ивановна Пелих // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 167–169.
11. Энциклопедия уральских мифологий. Мифология селькупов. Томск, 2004. 382 с. (о Г.И. Пелих с. 55).
12. Малолетко А.М. Галина Ивановна Пелих // Лукомория – первая русская колония в Сибири. Томск, 2005. С. 61–63; 2-е изд. Томск, 2006. С. 73–76; 3-е изд. Томск, 2008. С. 76–80
13. Малолетко А.М. Замечание к статье Г.И. Пелих [Обские Каяловы о реке Каяла] // Малолетко А.М. Лукомория – первая русская колония в Сибири. Томск, 2005; с. 77–78; 2-е изд. Томск, 2006. С. 93–94; 3-е изд. Томск, 2008. С. 97–98.
14. Тучкова Н.А. Bibliographica selkupica. Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов. Томск, 2006. 152 с.
15. Топчий А.Т. Г.И. Пелих – первый этнограф Томского университета // Пелих Г.И. Исторические концепции Г.Н. Потанина. Томск, 2006. С. 3–7.
16. Топчий Р.А. Библиография работ Г.И. Пелих // Там же. С. 159–160.
17. Захарова И.В., Томилов Н.А. Галина Ивановна Пелих // Этнографические научные центры Сибири. Середина XIX – начало XX века. Омский этнографический центр. Омск, 2007. 400 с. (о Г.И. Пелих с. 14, 15, 20, 27, 31).
18. Гемуев И.Н., Томилов Н.А., Топчий А.Т. Галина Ивановна Пелих // Там же. С. 302–306.
19. Топчий А.Т. Г.И. Пелих – первый этнограф Томского университета // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского госуниверситета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 232–236.
20. Малолетко А.М. Пелих Галина Ивановна. Библиографический указатель. Томск, 2009. 12 с.

А.М. Малолетко

Приложение 2

Г.И.Пелих ОБСКИЕ КАЯЛОВЫ О РЕКЕ КАЯЛА

В 1185 г. на реке Каяле в битве с половцами *«храбр и русичи ... полегоша за землю русскую»*. Нам известно, как погибло войско князя Игоря Северского. Но где? В каких местах, где могла произойти эта битва, нет реки по имени Каяла. Проблема местонахождения легендарной реки до сих пор не решена, несмотря на множество высказанных на этот счёт догадок. Поэтому, как нам кажется, представляют известный интерес новые данные по этому вопросу, случайно обнаруженные в самом неожиданном месте.

Мне приходилось неоднократно на протяжении 30 лет (начиная с 40-х годов) бывать в различных посёлках Среднего Приобья, собирая материал по этнографии нарымских селькупов. Русское население тех мест меня мало интересовало. Сейчас при просмотре экспедиционных материалов прошлых лет обнаружилось многочисленные упоминания о неких Каяловых и ряд рассказов, записанных с их слов как о селькупах, так и о самих сибирских старожилах Каяловых и об их далёкой прародине на реке Каяле.

Кроме того, оказалось, что наличие в Приобье Каяловых зафиксировано в многочисленных архивных документах, а также в печатных изданиях. Например, в Церковной Градо-Нарымской книге за 1832 г. записан брак Каялова с остячкой Ерыхмасовой из юрт Мысовых¹. В 1930 г. в селькупском посёлке Кыгель-Карамо

¹ ГАТО. Ф. 991. Оп. 1. Д. 95. Л. 23.

ча р. Тым проживало 12 чел. Каяловых². Сохранился документ, где Прокопий Каялов жалуется на продавца Тобольжина Ф. (селькупа), «замеченного в обмане»³. В сводке о заготовке пуш-тины за 1-й квартал 1936 г. сообщается, что С. Каялов сдал пуш-тины на 900 руб.⁴ Каялов П.В. и Каялов Б.Д. отмечены в списке присутствующих на общем выборном собрании от 12.10.1934 г.⁵ Некто Каялов внесён в список «неграмотных и малограмотных»⁶ и т. д.

Журналист Владимир Матов в 30-х гг., проезжая по нарым-скому Приобью, познакомился на р. Тым с Иваном Леонтьевичем Каяловым, а весной 1945 г. встретился с ним на фронте в Лат-вии⁷. О Каяловых в Приобье упоминает Христиан Лопатин и дру-гие авторы (см. дальше).

Каяловы, рассказывая о себе, с удовольствием вспоминают о своих далёких предках, живших за Доном в тёплой степи у тёп-того моря. Рассказы Каяловых о своих предках во многом повто-ряют друг друга. Чувствуется наличие устойчивой устной тради-ции.

По их словам, первые Каяловы пришли в Приобье задолго до появления здесь казаков. Раньше Каяловы жили далеко на западе в бассейне р. Самары, которая текла «посолонь», то есть в запад-ном направлении. По притокам Самары жило много русского люда. Все они «прозывались самарцами». Кроме того, их «драз-нили паджами». Что значит слово «падж», информаторы не пом-нят. Каяловы жили по берегам самарского притока р. Каяла. От-сюда их прозвище – Каяловы. Река Каяла протекала сначала по засушливой степи. В жаркое лето вершина реки совсем пересы-кала и превращалась в сухую балку – Волчий Хвост. Нижнюю часть реки называли Байбалакой. В среднем течении река изгиба-лась широкой дугой, поэтому её и называли Каялой, что значит «река-кормысло». Отсюда владения Каяловых простирались на

² ГАТО. Ф. 747. Оп. 1. Д. 29. Л. 29, 44.

³ ГАТО. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 35. Л. 18.

⁴ ГАТО. Ф. 991. Оп. 1. Д. 93. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ ГАТО. Ф. 7471. Оп. 1. Д. 33. Лл. 7–8.

⁷ Матов Владимир. По просторам Родины. М., 1951. С. 148, 150.

юг на расстояние «одного конского бега»⁸ до р. Кельчик. К востоку от их земли текла река Глинистая, а с запада жили Цингалы.

Основным занятием Каяловых было коневодство. Разводили замечательных скакунов голубой масти. Это были кони необычайной выносливости и резвости. Другие «самарцы» также разводили таких коней. Коней называли «бахмутами». Кроме того, предки Каяловых занимались земледелием, кузнечеством и держали молочный скот.

Ушли Каяловы со своей земли из-за того, что там начались «страшнные войны». Первыми из этих мест двинулись на восток Цингалы. Но по поводу их переселения существует особое предание.

Цингалы были конокрадами. Соседи били их за это «смертным боем». Ничего не помогало. Тогда предки Каяловых устроили специальный молебен и просили «Касьму-Димьяна» (по другой версии – «речного старика») образумить Цингалов. И вот однажды зашаталась под ногами Цингалов земля, их дома стали проваливаться в образовавшуюся пропасть, а река изменила своё русло и потекла вместо запада на юг. Цингалы в ужасе бежали в Сибирь и поселились там у самого северного устья Иртыша. Но и здесь они стали воровать у остяков пушнину, которая лежала в никем не охраняемых амбарчиках. Тут совсем рассердился «речной старик». Застонала земля, зашатались горы. Сам могучий Иртыш изменил своё русло и хлынул на цингальские земли. Цингалы бросились бежать в гору, но гора раскололась на две части. Тогда Цингалы бросились на колени, умоляя богов спасти их и поклялись, что больше никогда не будут воровать. И сразу утихла земля и успокоился Иртыш, но он уже тёк по другую сторону горы, где раньше стояли дома Цингалов. С тех пор Цингалы перестали воровать. Они помирились и породнились с остяками. И сами «обостячились». Все стали жить хорошо и дружно. На месте старого русла Иртыша осталась цепь озёр, которые теперь называются Цингальскими.

Цингалы ушли со своей прародины не первыми. Многие «самарцы» покидали тогда свои земли и уходили в Сибирь. Они се-

⁸ Один «конский бег» – 75–80 км. Расстояние от гор. Колпашево до гор. Томска (150 км) определяется информаторами приблизительно в два конских бега.

лились у слияния Оби и Иртыша. Здесь было основано село Самарово, вокруг которого образовались затем Самарская волость и Самарский уезд. Эти места были давно известны самарцам по рассказам торговцев, которые ходили туда с товарами за пушной.

Каяловы тронулись в путь, когда совершенно невозможно стало жить в родных краях из-за войн, грабежа и убийств. Они шли сухим путём «на конях, верхами», с жёнами и детьми. Имущество везли в тюках, гнали скот и питались им в пути. До Иртыша шли по «самарским речкам». Потом начались незнакомые места. Когда добрались до низовий Иртыша, там уже было много самарских. Все места у Оби были заняты. Поэтому Каяловы поселились выше села Самарово, на протоке Иртыша. Рядом снова оказались Цингалы. Кругом тоже были свои – самарские, которые всё подходили и подходили небольшими группами «из-за Дона». А к северу и к югу жило «остячье». Тунгусы тоже сюда заходили. Но Каяловы ни с кем не враждовали, свободной земли здесь было много.

В Приобье Каяловы продолжали разводить коней-бахмутов. Корма здесь было много, особенно на заливных лугах и островах. Кони хорошо прижились к новым местам, однако порода стала вырождаться. Кони стали лохматыми и приземистыми. Они потеряли голубой цвет – превратились в сизых, но сохранили выносливость и резвость.

Обское приволье понравилось новосёлам. В лесах водилось много зверья и птицы, в реках и озёрах – рыбы. Можно было разводить огороды. И молочный скот держали. Масло меняли у остяков на пушнину.

В Самарском Приобье всё было хорошо и спокойно на протяжении жизни десяти поколений Каяловых, пока сюда не пришли казаки. Каяловы «до Ермака» жили с остяками «душа в душу». Теперь обозлённое казаками «остячье» стало всех грабить. Не уступали им и казаки. Старая власть (остяцких князцов) была разрушена, а новая (русского царя) ещё не установилась. «Честному народу житья не стало». Каяловы снова снялись с места. Часть их переселилась на территорию Тымского Приобья, часть ушла на реку Таз. Лишь немногие из них (те, что совсем обостячились) остались на своих прежних местах.

Таковы (суммарно) свидетельства информаторов из числа Каяловых. На первый взгляд всё это кажется не заслуживающим особого доверия. Но дело в том, что буквально каждое из высказанных Каяловыми положений подтверждается другими источниками.

Начнём с самоназвания «самарцы». Я пыталась рассказать своим информаторам, что первый русский «Обской городок» был основан (по мнению историков) казаками Я. Мансурова, а название «Самарово» произошло от имени жившего в этих местах остяцкого князца Самара. Все из знакомых мне Каяловых тут же начинали эти сведения опровергать. Во-первых, говорили они, их деды рассказывали, что именно их предки пришли первыми из русских в район Самарской Оби. Во-вторых, Каяловы тоже слышали о здешних «самарах», не только остяцких, но и тунгусских. Но сами к ним никакого отношения не имеют. «Самарскими Каяловы прозывались спокон веков». Ещё их предки, те, что жили за Доном, «прозывались самарскими... Тама поди-ка и счас самарцы живут. Голимо было там самарских».

Этноним «самари» широко распространён и в территориальном и во временном диапазонах от месопотамской Самарры и иудейских самаритян до народностей современной Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Исследования показали, что «происхождение этого этнонима в тунгусоязычной, самоедоязычной, угорской и тюркской ... средах является указанием на южный компонент, принявший участие в этногенезе, и связано с первичным значением «человек»⁹.

Но самое интересное заключается в том, что «коллективная кличка самариі» бытовала не только в окрестностях реки Самары (левый приток р. Днепра), но и в других районах Украины. «Кличка самариі» была зафиксирована в селе Воскресенском Донецкой области. Рудиментом её является постоянно повторяющийся ойконим «самари» в названиях: с. Самары Черпуховского района и с. Самары Шитацкого района Полтавской области, с. Самары Ратневского района Волынской области. При этом считается, что все носители «клички Самари... имели предка, пересе-

⁹ Василевич Г.М. Этноним саман-самай у народов Сибири // Советская этнография (СЭ). 1965. № 3. С. 145.

лившегося с берегов реки, протекающей вблизи Самары или Самарии»¹⁰.

Подтверждается также и возможность перехода «самарцев» из днепровского левобережья в Приобье «по самарским речкам». В средние века существовал так называемый «южный путь» из причерноморских степей на Обь. Караваны шли по нему на лошадях и верблюдах с Дуная, с Каспийского моря и с Волги¹¹. В обратном направлении по нему ежегодно уходили караваны с пушниной¹². «Неизвестный англичанин» писал в 1616 г., что «в Сургуте торгуют люди из Бухары, таджики или персидские купцы, татары разных племён»¹³. Н. Спафарий слышал рассказы о том, что в прежние времена здесь проходил многолюдный торговый путь от Чёрного и Азовского морей до ближнего берега реки Оби¹⁴. А до Тары и Яика можно пройти по вершинам рек: Юрик-Самар, Тругуп-Самар, Камыш-Самар¹⁵. «Сердцем чувствую, – писал в своё время В.М. Флоринский, – что эта широкая привольная степь, расстилающаяся сплошной полосой от Оби до Волги и Дуная, близка русскому человеку не со вчерашнего дня»¹⁶.

После татаро-монгольского нашествия южный торговый путь от Оби до Дуная потерял былое значение. Но предки Каяловых ещё могли пройти по нему, переправляясь через вершины упомянутых «самарских рек».

Относительно предания о Цингалах. В Самарском Приобье действительно есть гора Цингальская с крутым обрывом в сторону Иртыша, есть река Цинга, озёра Цингальские. По словам Г.Ф. Миллера, «на вершине Цингальской горы можно и сейчас ещё видеть остатки прежнего укрепления, почему это место и

¹⁰ Отин Е.С. Об именах и кличках, тождественных топонимам // Этнография имён. М., 1971. С. 259.

¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937, С. 25, 210, 211.

¹² Спафарий Н.М. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. СПб., 1882.

¹³ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

¹⁴ Спафарий Н.М. Указ. соч. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 49.

¹⁶ Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Известия Томского университета. Т. 1. Томск, 1889.

называют по-русски Цингальским старым городищем... Ещё сейчас можно видеть на западной стороне этой горы следы старицы, где прежде протекал Иртыш... Ниже Цингальских юрт можно видеть устье старого потока Иртыша»¹⁷. И.Э. Фишер сообщает, что на западном берегу Иртыша «есть великая гора, которая в древние времена соединена была с горами восточного берега; ибо на западной стороне той горы видны ещё следы, где тёк прежде сего Иртыш. Но како сия гора обвалилась, отделилась от прочей части гор, то Иртыш тогда потёк через отверстие пространство... и донныне ещё видно нижнее русло старинного рукава»¹⁸.

В связи с приведёнными выше данными может возникнуть мысль о местном (обском) происхождении сообщённого Каяловыми предания. Однако начало предания (о пребывании предков Каяловых в южнорусских степях, где они жили рядом с Цингалами) тоже находит подтверждение в местных (украинских) материалах.

В эпоху, предшествующую бегству Каяловых в Сибирь, русское население причерноморских степей жило в окружении половцев или под их властью. Естественно, оно испытывало сильное тюркское влияние. А тюркским наречиям, как известно, свойственен переход звука «М» в звук «Н» и обратно. Например, *кунпара-кумпара* 'копилка', *канбак-камбак* 'род травы'¹⁹. Название города «Симбирск» на карте И.Э. Фишера значится как «Синбирск» и т. д. Поэтому звук «ин» в слове «цингалы» мог звучать как «цим».

К западу от интересующей нас территории (где могли прежде жить Каяловы) встречается несколько сходных топонимов: с. Цимбалы, курган Цимбалка, курганы Большая Цимбалка и Малая Цимбалка.

Здесь же зафиксированы предания о стихийной катастрофе, связанной с изменением речных русел. Предполагается, что в данном районе изменили свои русла сразу две реки – Конка (древняя Пантикапа) и Молочная (античный Герр). Но течение р. Конки изменилось в противоположном (каяловскому преда-

¹⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 244–245.

¹⁸ Там же. С. 145–146.

¹⁹ Фёдоров Я.А. К вопросу об этногенезе кумыков // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 1. С. 106.

нию) направлении – с восточного на западное, тогда как река Цингалов должна была сначала течь на запад, а потом на юг. Именно это произошло с рекой Молочной, которая сначала текла к Серогазским балкам, где сливалась с Гипакирисом и впадала в Чёрное море к западу от Крымского полуострова, а не к востоку, как теперь. Показательно также наличие на территории современного Донбасса таких названий, как «Провальная степь», «балка Провальная», «село Провальное»²⁰.

Таким образом, к западу от предполагаемой прародины Каяловых тоже имели место природные катаклизмы, связанные с изменениями речного русла (с западного направления на южное), как об этом говорится в предании о Цингалах, а также отмечается наличие сходных топонимов.

Очень интересен каяловский сюжет об их голубых конях – «бахмутах». С южнорусскими степями днепровского левобережья связаны многочисленные сведения о белых или голубых конях. Древнейшие из них относятся к античному времени. Гомер упоминал о наличии в степях Северного Причерноморья коней, которые были «белее снега и быстрее ветра». Геродот упоминает о табунах диких белых коней у истоков реки Гиппанис²¹. «Духовная грамота княгини Вольцкой Олиании» (1508 г.) упоминает о том, что Иван, князь русский, имеет «мерина экстравагантной голубой масти»²². Иностранные путешественники XVI в. писали о «необыкновенной масти коней» в России. В одной из ямских книг XVI в. «отмечено, что проезд в упряжке с голубым конём стоит в 15 раз дороже, чем с любым другим»²³.

Эта порода голубых коней называется «бахматами». Термин «бахматец» употребляется в русских былинах в значении «первоклассный породистый верховой конь», «иноходец»²⁴.

²⁰ Яйленко В.П. Об идентификации рек и народов геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 58.

²¹ Геродот. История. Кн. IV. С. 52.

²² Рабинович М.Г. Русские письменные источники эпохи феодализма // Труды Института этнографии. Т. 110. М., 1982. С. 13.

²³ Лебедева А.А. О зимнем гужевом транспорте // Полевые исследования Института этнографии в 1975 г. М., 1977, С. 12.

²⁴ Русские былины старой и новой записи. Под редакцией Н.С. Тихонравова и В.Ф. Миллера. М., 1894. С. 188.

С. Герберштейн говорит о необычайно выносливых боевых конях на Украине, которых он называет «пахматами»²⁵.

Симптоматично, что в Сибири тоже было зафиксировано слово «бахмат» как название лошадиной породы. При этом термин *бахмат* расценивается как редкий сибирский диалектизм²⁶. Кроме того, в Сибири мы снова встречаемся с легендами о голубых конях. Например, легенда «Синяя лошадь», записанная И. Елечевым. Не исключено, что потомки голубых «бахмутов», приведённых Каяловыми в Сибирь из южных степей, дожили здесь до наших дней. С одним из них повстречался в своих многочисленных поездках по Западной Сибири известный сибирский писатель Вл. Сапожников. Рассказывая об одной из своих поездок сибирской зимней ночью, Вл. Сапожников пишет: «Мужики были чёрные, а конь голубой ... конь чистых кровей, необыкновенной силы, не боится грозы, не спадает с тела в любой дороге ... Затоптал на Каменской заимке волка, строгий конь»²⁷.

В Приобье устойчиво бытуют предания о приходе русских в Сибирь «задолго до Ермака». Томский писатель С.А. Заплавный сообщает о русских людях, которым удалось «задолго до Ермака выйти к берегам снежной Обдору-реки»²⁸ и о том, что в Приобье до сих пор рассказывают «о смельчаках-бывальцах, задолго до Ермака проникших в сибирское Лукоморье»²⁹. Вл. Колыхалов, говоря о местных «строгих нравах», о людях «бескомпромиссной честности», отмечает: «и было это завещано нашими предками, которые поселились тут в незапамятные ещё времена»³⁰. Исаак Масса (1612 г.) упоминает о заселении Сибири русскими до Ермака «при помощи кротких мер и любви»³¹. Одним из косвенных свидетельств того, что какое-то русское население (возможно, Цингалы) жило у старого русла Иртыша до прихода казаков, является рассказ Г.Ф. Миллера о том, что у остяков прежнее иртышское русло «называется Русским старым руслом» и что Ир-

²⁵ Этимология, 1971. М., 1973. С. 197.

²⁶ Там же. С. 199.

²⁷ Сапожников Вл. Шаманка. Новосибирск, 1969. С. 117.

²⁸ Обдора – старинное название низовой реки Оби.

²⁹ Заплавный С.А. Рассказы о Томске. Новосибирск, 1980. С. 37, 54.

³⁰ Колыхалов Вл. Повести. Дневники путешествий. Новосибирск, 1974. С. 148.

³¹ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 245.

тыш потёк в другом направлении ещё до прихода первого казачьего отряда Брызги (1584 г.) и что возникшие на месте старого иртышского русла озёра уже назывались Цингальскими.

Борис Годунов (ещё при жизни царя Фёдора) послал в Сибирь «разведчиком» Фёдора Дьяка. Тот, вернувшись, сообщил: «Там в незнаемых странах восточных полно русских людей... Каких? – А всяких... Они там давно кто торгует, кто охотится, а кто дань с самояди берёт в свою пользу, воровски»³². Местные жители из Панингородка (поздний Ляпин) утверждали, что «ещё до XVI в. здесь были порядочные русские лавки и что место это уже до XVI в. было известно по торговле, которая проводится там как в складском месте товаров»³³. «Самоеды говорят, что они видели белый город, который, казалось, был построен из камня, ... слышали также, что у них есть животные, имеющие длинную гриву и хвост, которые не имеют рогов, и что копыта у них круглые, не раздвоенные как у оленей ... К ним вышли люди все сделанные из железа; я полагаю, что это были люди, одетые в латы»³⁴.

Археологи одними из первых заметили появление в Приобье в XIII–XIV вв. «предметов ... чуждых местному населению». Это были «фрагменты русского горшка с плоским дном, изготовленного на гончарном круге», железные ключи, голубые фаянсовые бусины, бляхи с головами льва или барана, большое количество «бронзовых и серебряных поделок-луниц, височные кольца и браслеты с бочонками, иначе говоря, комплект украшений, хорошо известных по русским и болгарским древностям»³⁵.

К XIII в. относятся самые ранние из обнаруженных в Сибири русских кольчуг³⁶. Здесь был найден древнерусский железный меч великолепной сохранности... Мечи такого типа относились к XI–XIII вв.³⁷

³² Мартынов Л. Черты сходства. М., 1982. С. 188.

³³ Мартиньер Де Ла. Путешествие в северные страны. М., 1911. С. 63.

³⁴ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 213.

³⁵ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. до н. э. // Материалы Института археологии. № 58. М., 1957. С. 231–232, 243.

³⁶ Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. С. 161.

³⁷ Молодин В.И. Находка меча из Западной Сибири // Известия СОАН СССР, серия общественных наук. 1976. № 11. Вып. III. С. 125–126.

Из Приобских курганов взяты «бронзовые щитковые перстни в большом количестве»³⁸. Прототипы изображений на щитках «имеются на перстнях камско-волжской Болгарии и некрополя Херсонеса Таврического», а также на древних русских монетах³⁹.

Специфической особенностью русского старожильского населения Приобья является его двуслойность. Здесь различаются два пласта русских старожилов-чалдонов. «Чалдоньё-то разное бывает», – говорят информаторы. Границей между двумя слоями русских старожилов служит завоевание Сибири казаками Ермака в конце XVI в. И те, и другие называются здесь (и сами себя называют) челдонами. Прозвище «челдон» производится ими от двух слов: «чело» и «Дон». Слово «чело» трактуется как 'самый первый', 'начальный'. Отсюда выводится слово «человек». «От чела произошёл человек, от челдонов произошло русское население Сибири». Сходную трактовку термина мы находим у В.И. Даля. Поясняя, что «чело» есть «часть головы от темени до бровей», В.И. Даль приводит второе значение этого слова: «чело – лучший, первый». Отсюда, – пишет В.И. Даль, – пошли выражения: «чело войска», «чело пива (первый слив)», «чело печи», «человой хлеб», «человая руда»⁴⁰.

Вторая часть слова «чалдон» производится информаторами от реки Дон. «Чалдоны – это люди, пришедшие с Дона». «С Дона мы, с Дона», – с уверенностью говорит 80-летняя Мария Петровна Лаврова, хотя родилась она (как и её отец, и дед) в Молчанове⁴¹.

В отличие от них, вторая часть русских старожилов говорит, что их предки пришли на Обь первыми, но не с Дона, а «из-за Дона». Это особенно подчёркивают Каяловы, которые считают, что они даже говорили иначе, чем чалдоны из казаков. Каяловы говорят не «чело», а «чало», не «человек», а «чаловик», не «челдон», а «чалдон» и высмеивают казацких чалдонов за то, что те говорят на «И». Последнее обстоятельство подтверждают местные диалектологи, установившие, что часть старожильского

³⁸ Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. записки ТГПИ. Т. X. Томск, 1953. С. 159.

³⁹ Дульзон А.П. Указ. соч. С. 164.

⁴⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

⁴¹ Яровая Г. (Газетная статья) // Красное знамя. 1988. 7 октября.

населения Сибири говорит всё на «И»: «игород, игурцы, да ча, да пошто, «ты, matka, ча, та ты ча», потешно так говорят»⁴².

Двуслойность обских старожилов проявляется в самых различных областях их культуры. У русских Приобья, – пишет, например, известный сибирский фольклорист П.И. Мельников, – «нет единой культуры, единого песенного стиля... Носители одних певческих традиций не принимают, высмеивая стиль и манеру пения других певческих групп»⁴³.

Двуслойность культуры русских старожилов Приобья отмечается и в исторической литературе прошлых лет. Одним из центров взаимодействия различных старожительских групп считается город Сургут. «Общим слухом подтверждается, – пишет Г.Ф. Миллер, – что Сургут вместо бывшего русского городка ... был построен»⁴⁴. Поэтому в Сургуте особенно заметны различия между первыми сургутянами и русскими казаками. «Сургутяне, – пишет С. Швецов, – ...крайне выносливы, двужилыны по народному выражению ... и отличаются от мещан-казаков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лицо и фигура дышат мощью и энергией»⁴⁵.

Особенно чётко различия между двумя группами русского старожильческого населения проходят по селькупским материалам. Селькупы – коренные жители Приобья – относятся к разным русским старожилам как к двум различным народам. С первыми из них у селькупов сохраняются самые добрые отношения. К остальным селькупы относятся настороженно или враждебно.

Ранних русских пришельцев называют *паджо*. Этот термин был зафиксирован в материалах Этнографических экспедиций Томского государственного университета 1960–1963 гг. «Паджо тыманда – русский пришёл», – говорят селькупы. «Паджо лака», – скажет селькуп, обращаясь к старому уважаемому русскому

⁴² Блинова О.И. Носители диалекта о своём диалекте // Сибирские русские говоры. Томск, 1984. С. 5.

⁴³ Мельников П.И. Региональное своеобразие фольклора сибиряков // Русский фольклор. Т. XXII. 1984. С. 74–75.

⁴⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 286.

⁴⁵ Швецов С. Очерк Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Т. X. Омск, 1889. С. 6.

человеку»⁴⁶ (*лака*, *ляк* – уважительная форма обращения у селькупов). Вероятно, термин *паджо* был заимствован селькупам и у самих русских старожилов, так как Каяловы (как указывалось выше) также называли себя или «самарцами», или народом «паджо». При этом под «самарцами» понималось более мелкое объединение, входящее в состав «паджо». Примечательно, что по данным В.П. Кобякова, среди древних европейских этнонимов с корнем *рос/рус* также встречается термин *паджо-руско*⁴⁷.

Всех русских, появившихся в Приобье после XVI в., селькупы называют (в отличие от паджо) словами: *касак*, *касыр-гула* или *каса-гула* (*гула* по-селькупски ‘люди’. – Г.П.).

Симптоматично, что именно в древнерусском старожильческом слое прослеживаются элементы сходства с южноевропейской русской традицией. Например, в старожильческом Приобье обнаружился «уникальный русский гидроним в виде названия речки Самбиус» (левый приток реки Кенги), близкий «древнему имени Киева – Самбатас»⁴⁸. Крутую дугу возвышенного обского берега (против северного устья Иртыша) русские старожилы называли по образцу Причерноморья – Лукоморьем⁴⁹. Наблюдаются поразительные черты сходства в области искусства. Так, в чulyмском Приобье был найден серебряный кувшин, украшенный тем же орнаментом, что «встречается на стенных украшениях русских старинных храмов XII в.»⁵⁰. В районе самарской Оби вода вымывает из разрушенных захоронений перстни с непонятными знаками на печатках. Например, медный перстень из Самарова (Археологический музей ТГУ, № 2428) с узором, прототип которого встречается «на древнерусских тулах»⁵¹. Отдельные совпадения обнаруживаются иногда самым неожиданным образом. Однажды А. Каялов рассказывал о своей поездке на васюганскую речку Тор. «Разве есть у Васюгана приток под названием Тор?» – переспросила я. – «Да, есть, – ответил Каялов. – Это хорошая, богатая река. Остяки зовут её Чижапкой, а мы называем река

⁴⁶ Материалы Этнографической экспедиции ТГУ. 1960. Тетрадь 4. Лист 35.

⁴⁷ Кобяков В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 110.

⁴⁸ Материалы Этнографической экспедиции ТГУ. 1963. Т. 14. Л. 13; Т. 8. Л. 31.

⁴⁹ Попов А.И. Названия народов СССР. М., 1973. С. 51–52.

⁵⁰ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 105.

⁵¹ Флоринский В.М. Указ. соч. 1888. С. 161.

Тор». Ни на одной из известных мне карт я не нашла в этой округе гидронима «Тор». Но позже в Томском государственном архиве обнаружился указ из «Томского управления акцизными сборами Западной Сибири» от 26 мая 1892 г., где упоминается река «Тор–Чижапка»⁵².

«Быть может, нигде, кроме Северной России, не сохранилась такая старая Русь как в Сибири», – писали Е. Авдеева и М. Азадовский⁵³. Записанные в Приобье «тексты былины обнаруживают большую близость к общему древнерусскому эпосу»⁵⁴. В Приобье были зафиксированы «диалектизмы, унаследованные русским языком от древнейшей эпохи»⁵⁵. Так, древнерусское слово «комонь», употребляемое в «Слове о полку Игореве» («комони ржут за Сулою») и в Ипатьевской летописи под 1150–1151 г., уже в XV в. стало на Руси «семантическим архаизмом». Даже в «Задонщине» это слово не употребляется («А коники ржали его везучи»). И лишь сибиряки продолжали даже в XX в. распевать:

«Тут стояли комони,
Все комони под коврами.
Один комонь не подкован»⁵⁶.

Или «Из(ы)логу, логу, да комоны бегут»⁵⁷. Сибирские старожилы продолжают употреблять слово *веко* в значении ‘блюдо, поднос’ (от *вѣ́ко* – покрывка), слово *камень* – в значении ‘горный хребет’, слово *скала* – в значении ‘береста’⁵⁸.

В заключение обратим внимание на следующее обстоятельство. В Сибири Каяловы жили в основном в трёх местах. Сначала они поселились в районе северного устья Иртыша. Затем часть из них перебралась в район Тымского Приобья и сколько-то ушло на восток в Тазовско-Туруханское междуречье.

⁵² ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 26. Л. 1, 2.

⁵³ Авдеева Е., Азадовский М. Статьи и письма. Новосибирск, 1978. С. 118.

⁵⁴ Сидельников В. Былины в Сибири. Томск, 1968. С. 85.

⁵⁵ Панин Л.Г. К историко-этимологическому изучению Сибири // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 3. № 11. 1980. С. 143.

⁵⁶ Обрядовые песни русской свадьбы в Сибири. Новосибирск, 1981. С. 142.

⁵⁷ Свадебные песни Томского Приобья. М.–Л., 1977. С. 32.

⁵⁸ Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 51–52.

В районе Самарского Приобья Каяловы жили на иртышской протоке Байбалаковой⁵⁹. Их земли простирались до местечка Кельчик, которое позже значилось как хантыйский городок Кельчиларский⁶⁰.

В Тымском Приобье Каяловы заняли узкую полосу земли, ограничивающую с востока треугольник между Тымом и Обью. Эти земли, по словам тымских селькупов, были покинуты их прежними хозяевами – селькупам, ушедшими на Таз. Каяловы заплатили тымским селькупам за данную землю выкуп (*кортом*) и поэтому были приписаны к Тымской инородной волости 1-й половины. С тех пор они считались тымскими жителями. В действительности Каяловы жили, охотились и рыбачили по всей территории вдоль притоков Оби: Пыжиной и Чунджельки, которая вершиной почти смыкалась с рекой Чамжелькой – притоком р. Тым. Не исключено, что Каяловы продолжали в какой-то степени заниматься коневодством, так как название реки Чунджелька означает по-селькупски ‘конная река’. Современную реку Пыжину Каяловы называли рекой Каялой, а селькупы звали её Каилга – река Каяловых. Древнее название реки Пыжиной в форме Каилга было зафиксировано в 1927 г. М. Шатиловым, который писал о «небольшой речке Каилга или Пыжина»⁶¹. По словам Каяловых, северной границей их владения была небольшая речка Кельчик, впадающая в Тым. Известно, что обская протока, в которую впадала р. Каяла (Пыжина), называлась протокой Байбалаковой, а её противоположный берег – Байбалаковым плёсом.

В 1970 г. мы неожиданно обнаружили следы Каяловых в Тазовско-Туруханском междуречье у Верхней Баихи – правого притока р. Турухан. Лишь немногие из глубоких селькупских стариков помнили, что в «нижнем углу между Баихой и Туруханом жили какие-то Куялы». Их же называли ещё «Иваны». Куялы занимали пустующие земли, которые, однако, считались собственностью селькупов Чекурминых и Безруких. Поэтому между Куялами и селькупам всё время происходили стычки. Например, Та-

⁵⁹ Лопарёв Хр. Самарово село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896. С. 167.

⁶⁰ Бобаков В.Г. К этимологическому изучению приобских хантов. По материалам переписи населения XVIII в. // СЭ. 1966. № 6. С. 104.

⁶¹ Шатилов М. Остяко-самоеды и тунгусы Нарымского района // Труды Томского краеведческого музея. Т. 1. 1927. С. 155.

мара Елисеевна Безруких нам в 1970 г. рассказывала: «Какой-то народ на наших нападал. Здесь землю хотели отобрать. Они с верховий этой речки приходили. Наши гонят их... На оленях их гонят. Раз убили женщину и мужика – за ягодой они ходили. Их вместе с мужем так и схоронили. Кастрюля её до сих пор там висит».

Особенно интересна топонимика этих мест. Здесь значатся: р. Кельчик, р. Кельчинсылыкы, р. Кельчик-кы, озеро Кельчин-ту, а также две речки Иваныль-кы и Иваново озеро.

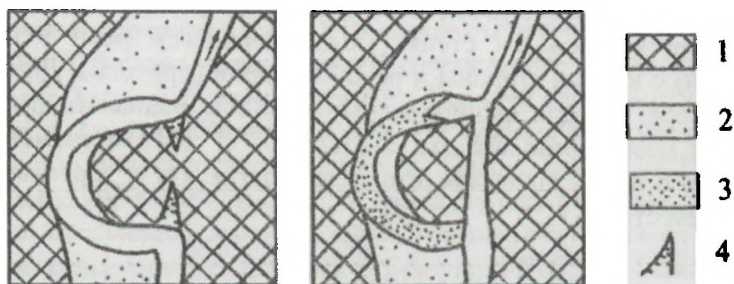
Напомним, что на прародине Каяловых в орбиту их владений («в тёплых степях у тёплого моря») входили река Каяла, нижняя часть которой называлась «Байбалакой», и река Кельчик. Всюду, в четырёх местах, где проживали Каяловы, (по их словам) мы встречаемся с одним и тем же набором наименований: Каяловы, р. Каяла, Байбалака, Кельчик. Походит на то, что представители одного и того же народа, вынужденные менять места своего жительства, продолжали давать им одни и те же названия.

Сопоставив вышеуказанные материалы, можно предположить, что в смутное время XIII–XIV вв. некая группа русскоязычных Каяловых вынуждена была уйти из родных южнорусских земель в Западную Сибирь в район Самарского Приобья. Постепенно, после ряда переселений, растворились здесь среди русских, селькупов или хантов.

На основе вышеприведённых данных прародина Каяловых локализуется в южных степях между верховьем реки Кельчика (Калки) с южной стороны и рекой Самарой (притоком Днепра) – на севере. Но для окончательных выводов и локализации реки Каялы необходимо всё это сопоставить с текстом знаменитого «Слова о полку Игореве», что будет составлять содержание следующей статьи.

ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Г.И. ПЕЛИХ

1. Легенда об изменении русла Иртыша действительно имеет под собой реальные события, но не те, которые приписывают легенды. В незапамятные времена Иртыш в этом месте делал извилину, или кривляк, как говорят на Енисее. Внутри изгиба был зажат острый мыс коренного склона долины (материка). Я не знаю, какие гидродинамические силы создали этот кривун, но дальнейшая судьба его объясняется просто. С той и другой стороны изгиба сформировались овраги, которые, развиваясь в длину, шли вершинами друг к другу, и, наконец, слились ими. Постепенно водораздел встречных оврагов уменьшал свою высоту над рекой, образовалась седловина, которая отчленила гору во внутренней части изгиба (кривляка) от коренного берега («материка»). Однажды весной перед изгибом образовался мощный ледяной затор, который подпрудил воду. Вода искала выход и нашла его. Она ринулась мощным потоком в ложину, которая образовалась в результате смыкания вершин противоположных оврагов. Поскольку уклон здесь напрямую был больше, чем при варианте обхода горы по излучине, энергичная донная эрозия выработала новое русло (см. рисунок). Старое русло реки в верхней части постепенно заилилось. А в нижнем (северном) конце ещё во времена Г.Ф. Миллера (1740 г.) был затив.

Прорыв Иртыша у Юрт Цингалинских (слева ситуация до прорыва):

1 – «материк»; 2 – днище долины; 3 – старое русло; 4 – овраги

Таких способов образования изолированных гор и холмов как следствие образования «долин прорыва», или сквозных долин

известно немало. Это останец высокой террасы Томи в прустьевой части Басандайки у Томска (Усов М.А., 1934, с. 28), это и останец коренного берега у Кулайской горы (Евсеева Н.С., Малолетко А.М., 2003).

2. Второе замечание связано с неверным толкованием Галиной Ивановной текста Г.Ф. Миллера (1937) о названии этого брошенного участка русла реки. Из её текста со ссылкой на Г.Ф. Миллера, явствует, что остяки называли брошенное русло «Русским старым руслом», предполагая, что ещё до прихода казаков Ермака здесь жили русские. В действительности же, в тексте дано пояснение «...по русски, старое русло». Способ образования Цингаловского останца показан на рисунке.

3. Г.И. Пелих правильно привела цитату из работы Г.Ф. Миллера (1937, с. 286) о том, «... что Сургут вместо бывшего русского городка... был построен». Этим ею объясняется двуслойность культуры русского населения Сургута (доказательное население бывшего русского городка и русское население, пришедшее с казаками послеермаковского призыва). В действительности же у Миллера речь идёт не о строительстве русского поселения на месте, где уже был русский городок. Суть цитаты Г.Ф. Миллера заключается в том, что первоначально городок планировалось построить на устье Иртыша, а вместо этого его основали ниже по течению Оби (Сургут).

4. Неверно были сделаны ссылки на источник: В.П. Кобяков. Следует читать *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М., 1973. 169 с. При этом В.П. Кобычев упоминается населённый пункт *Паджо-Руско*, но не этноним.

5. В работе А.И. Попова «Названия народов СССР. Л., 1973. 177 с.» нет информации, о которой говорит Г.И.)

6. На с. 68 оригинала упоминается Христиан Лопатин, следует читать Хрисанф Лопарёв.

А.М. Малолетко

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение в тайну (вместо предисловия)	5
Исходный материал	5
О термине <i>лукоморье</i>	8
Локализация сибирской Лукомории	10
Происхождение и возраст сибирской Лукомории	16
2. Сибирско–причерноморские ономастические связи	19
Лукомория	19
Самара	20
Самары/самарики	22
Река Каяла/Каяловы	23
Цинг(алы/аны)	28
Байбалака	42
Паджа	45
Кальчик – Кельчик	47
Тор	48
Козинка – Казым	49
3. Самары в Причерноморье	51
4. Самары в Сибири	61
5. Идентификация р. Каяла (сибирские Каяловы и «Слово о полку Игореве»)	68
6. Кто вы, челдоны?	76
7. Проблема Лукоморья в тезисной форме (заключение)	82
Литература	85
П р и л о ж е н и е 1. Галина Ивановна Пелих (<i>А.М. Малолетко</i>)	92
П р и л о ж е н и е 2. <i>Г.И. Пелих</i> . Обские Каяловы о реке Каяла	102
Замечания к статье Г.И. Пелих (<i>А.М. Малолетко</i>)	118

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Малолетко Алексей Михайлович

ЛУКОМОРИЯ – ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОЛОНИЯ В СИБИРИ

Редакция и макет автора

Обложка В.Г.Караваева

Подписано к печати 15 июля 2010 г.

Тираж 100 экз. Кол-во стр. 120. Заказ №

Бумага офсетная. Формат 60 × 84/16. Печать RISO.

Отпечатано в типографии ООО «Рауш мбХ»

Лицензия Серия ПД № 12-0092 от 03.05.2001 г.

634034, г. Томск, ул. Усова 7, комн. 052.

Тел. (3822) 56-44-54

1-990790

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00748732